

РЕНЕ АХДИЕ

ДЫМ
НА СОЛНЦЕ

18+

Рене Ахдие
Дым на солнце
Серия «Young Adult.
Сумеречная жажда. Рене Ахдие»

индд предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70314475
ISBN 978-5-04-199419-8

Аннотация

Бестселлер The New York Times!

Продолжение романа «Пламя в тумане». Завораживающее азиатское фэнтези о самопожертвовании, чести, любви и семейных ценностях. Как будто «Мулан» встречается с «Игрой престолов».

От автора мировых бестселлеров «Красавица» и «Ярость и рассвет».

Марико Хаттори вернулась в императорский дворец. Она должна узнать правду о том, кто замыслил ее убить и почему хотел взвалить вину на Черный клан. А для этого ей придется заставить своего жениха, принца Райдэна, поверить ей.

Но в этой хитроумной игре Марико не сможет действовать так, как привыкла. Теперь она будет вооружена только умом и хитростью. И пока она будет играть свою роль, ей предстоит

найти способ спасти приговоренного к смерти Оками, юношу, укравшего ее сердце.

Смогут ли они снова быть вместе?

«Алхимия, самураи и Рене Ахдие. Разве нужно что-то еще говорить?» – *Culturess*

«Если вам понравилась диснеевская “Мулан”, то вы полюбите эту книгу». – *The Newark Advocate*

Об авторе

Рене Ахдие – американо-корейская писательница, наиболее известная своим бестселлером «Ярость и рассвет». Этот роман переведен на 18 языков. Журнал TIME включил его в список «100 лучших фэнтези-книг всех времен и народов».

Содержание

Хорошая смерть	9
Маска милосердия	20
Высокая, гордая и несчастная	24
Бык и крыса	36
Одержимые ветром и небом	48
Заклеймен на всю жизнь	59
Пепел верности	71
Ловушки из шелковых нитей	86
Золотые лепестки и кровоточащие раны	97
Мрачный блеск	118
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Рене Ахдие

Дым на солнце

Renée Ahdieh

SMOKE IN THE SUN

© 2018 by Renée Ahdieh

Перевод с английского А. Атаровой

Художественное оформление Я. Клыга

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© R-i-s-e, rosadu / iStock / Getty Images Plus /

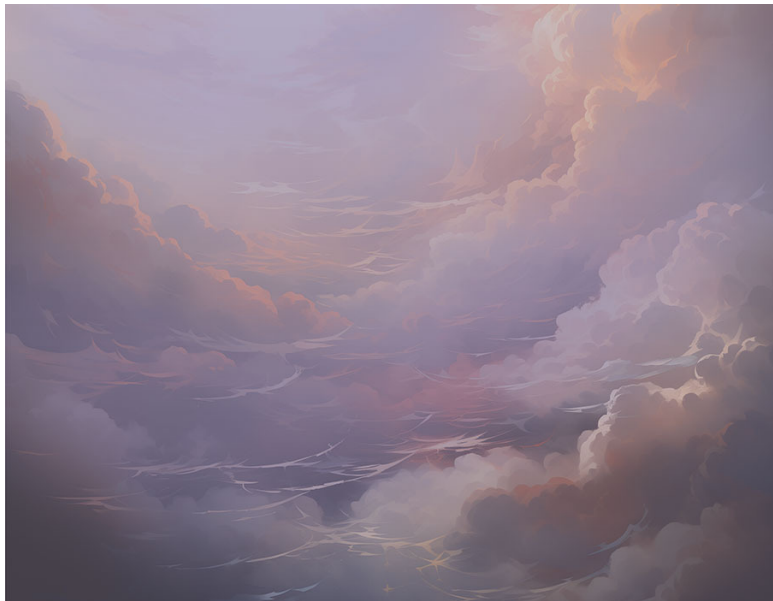
GettyImages.ru

© Атарова А., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

*Посвящается всем девушкам в мире:
Вы вдохновляете меня каждый день*

風
林
火
山

Быстрый, как ветер,

Тихий, как лес,

Яростный, как огонь,

Непоколебимый, как гора.

*Истина – это не то, какой вы хотите ее видеть;
это то, что есть на самом деле. И вам придется
склониться перед ее силой или жить во лжи.*

Миямото Мусаси

Хорошая смерть

Наверху, словно призраки, собрались темные тучи.

Большинство людей были облачены в траурный серый цвет. Их головы были опущены в знак уважения, голоса приглушены. Даже самые маленькие дети без вопросов вели себя тихо.

То была честь, которую они оказывали своему недавно почившему императору. Честь, вызванная их высочайшим почтением и непоколебимой любовью. Девушка не чувствовала в своем сердце ни почтения, ни любви.

Тем не менее она хранила молчание. Притворялась, что тоже следует общему настроению, хотя ее кулаки прижимались к бокам. Краем глаза она наблюдала, как похоронная процессия движется по затихшим улицам Инако. Как с мрачного серебристого неба начал накрапывать мелкий дождь. Вскоре ее плетеные сандалии намокли. Ткань ее простых штанов прилипла к икрам.

Ее левая рука еще крепче сжала камень в кулаке.

Барабаны, отбивающие ритм процессии, приближались,

их низкий гул отдавался в ее ушах. Пронзительная мелодия *хитирики*¹ пробивалась сквозь нарастающий шум дождя.

Когда императорская гвардия, стоящая вдоль дороги, обратила свои взоры на толпу, люди поспешно склонили головы, опасаясь, что их могут наказать за малейшее проявление неуважения. Те, кто находился рядом с девушкой, поклонились еще ниже, когда в поле зрения показалась поминальная табличка, возглавляющая процессию. Струйки дыма от благовоний из агарового дерева наполнили воздух ароматом горящего кедра и теплого сандала. На каменной поверхности таблички были выгравированы имена многих прошлых императоров – умерших небесных повелителей клана Минамото.

Девушка не поклонилась. Она продолжала держать голову высоко. Уставилась на поминальную табличку.

Если ее поймут, это будет равносильно смертному приговору. Это станет верхом неуважения, пятном позора на ее семье и всех тех, кто последовал за ними. Но честь никогда не имела для нее большого значения.

Особенно перед лицом несправедливости.

В последний раз девушка сжала пальцами камень. Обтерла потную ладонь о его шероховатую поверхность. Прицелилась.

И запустила камень в поминальную табличку.

¹ Хитирики – традиционный старинный духовой японский инструмент из группы гобоев; японская флейта.

С резким треском он ударил в центр серого камня.

Оглушительная тишина опустилась на толпу, когда те, кто нес табличку, на мгновение покачнулись. Они с ужасом наблюдали, как табличка упала в грязь, разбиваясь на осколки.

Одинокий крик возмущения превратился во множественный рев. Хотя никакая потерянная любовь не связывала почившего императора и жителей района Ивакура, этот поступок стал оскорблением самих богов. Самураи, охранявшие процессию, пришпорили лошадей и рванули в толпу. Нечто похожее на коллективное заикание пронеслось по толпе, и этот звук был похож на низкий гул потревоженного улья перед атакой. Дрожащие пальцы указывали во все стороны, сыпая обвинениями везде и всюду.

Но девушка уже пришла в движение.

Она бросилась в тень за маленькой аптекарской лавкой. Ее руки дрожали от пульсирующей под кожей энергии, когда она натянула маску на нижнюю часть лица. Затем девушка ухватила за край соснового карниза и уперлась ногой в стену, испачканную штукатуркой. С молниеносной точностью она запрыгнула на черепичную крышу.

Крики снизу становились все громче.

– Это он.

– Это тот, кто бросил камень.

– Вон тот мальчик!

Девушка с трудом подавила улыбку. Но сейчас у нее не было времени на такую роскошь, как эмоции. Летящими ша-

гами она метнулась к гребню крыши, затем соскользнула по наклонной черепице с другой стороны. Справа донесся стук копыт, погнав девушку к крыше слева от нее. Она перепрыгнула через зияющее пространство между двумя зданиями и сгруппировалась. Но даже при всех этих предупредительных мерах болезненная дрожь пробежала от ее пяток вверх по позвоночнику.

Когда она перелетела над изогнутыми плитками, зацепившись ступнями за их влажную поверхность, мимо ее уха просвистела стрела. Подобно водопаду девушка скользнула к краю крыши и упала в тени внизу.

Мгновение прошло в раздумьях. Ее грудь тяжело вздымалась, когда она сделала один вдох. Второй. Она должна уйти дальше. Моргая от дождя, девушка бросилась в переулоч, огибая брошенную тележку с капустой.

Внезапно слева от нее послышались бегущие шаги.

– Вон он.

– В переулке рядом с кузницей!

Сердце грохотало в ушах, когда она метнулась за угол, топот приближался. Спрятаться было негде, кроме бочки с дождевой водой, стоящей у стены полуразрушенной кузницы. Если она задержится еще хоть на мгновение дольше, ее поймут.

Оглянувшись по сторонам, девушка приняла быстрое решение. Проворная, как кошка, она прислонилась спиной к деревянному столбу и оттолкнулась один раз, второй. Ее те-

ло задрожало от усилий, когда она втиснула ногу в изгиб опорной балки. Затем девушка извернулась, вжимаясь плечами в грубую солому подбрюшья крыши.

Ее взгляд затуманился от страха, когда внизу, прямо под ней, показался солдат. Если бы он посмотрел вверх, то все было бы кончено. Солдат огляделся, а затем поставил ногу в сандалии на бочку с дождевой водой. Та с глухим стуком упала набок, дождь внутри ее в запоздалом всплеске смешался с грязью на земле. Разочарование сорвало резкий выдох с губ солдата.

Вслед за ним в небо вонзился неразборчивый яростный крик.

По мере того как гнев солдата рос, девушка крепче вжималась в крышу, усилие напрягало все ее тело. Ей повезло, что ежедневные тренировки сделали ее стройные конечности такими гибкими. Заставили ее прочувствовать каждый мускул, каждое движение. Она задержала дыхание, не смея пошевелить ни пальцами, ни ступнями.

Солдат в последний раз пнул бочку, прежде чем выбежать обратно на улицу.

Прошло несколько мгновений, прежде чем девушка наконец позволила себе расслабиться. Позволила своему телу найти более удобное положение. Она оставалась в тени, пока звуки погони не растворились в грохоте дождя. Затем с нарочитой осторожностью она потянулась к деревянному столбу и с приглушенным стуком опустила ноги в грязь. Девушка

выпрямилась, снимая маску с лица.

Но стоило ей повернуться к выходу, как дверь, ведущая в закрытую часть кузницы, скользнула в сторону. Вздвогнув от звука, девушка уронила маску в грязь.

Перед ней стояла женщина с поседевшими висками и неумолимым взглядом.

Хотя лицо девушки осталось безмятежным, ее сердце дрогнуло в груди.

Судя по возрасту, эта женщина могла бы быть ровесницей ее матери. Если бы она крикнула хоть слово, девушку бы поймали. Страх приковал ее к месту. Девушка молчала, когда женщина вдруг медленно выдохнула, ее глаза сузились в понимании.

Затем она дернула подбородком влево, указывая девушке путь к отступлению.

С благодарностью поклонившись, она исчезла под дождем.

Она бесчисленное количество раз возвращалась назад, петляя по мокрым от дождя улицам района Ивакура, – гарантируя, что никто не сможет раскрыть ее путь по следам. Когда она подошла к арочному каменному мосту и перешла по нему в рощицу белоснежных кизилов и бледно-розовых сакур, ее походка изменилась. Плечи опустились, а шея вытянулась. Это произошло машинально, стоило запаху цветущего ночью жасмина ударить ей в ноздри.

Но все же она избегала всех главных дорог, кроме моста.

Скрывшись под дождем из умирающих лепестков, она остановила *дзинрикисю*² и забралась под его изношенный парусиновый навес. Ее ресницы дрожали, а губы приоткрылись, беззвучно считая каждый ее вдох.

Ити.

Ни.

Сан.

*Си*³.

Затем девушка подняла подбородок. Ловкими движениями она поправила свою растрепанную одежду, приведя ее в полный порядок. Она распустила пучок на макушке и превратила его в элегантную прическу. Подобно одаренной мастерице перевоплощений, которой ее научили быть, девушка превратилась из дерзкого юноши в сдержанную загадку. Когда она наконец прибыла к воротам чайного дома, она дважды постучала, сделала паузу, а затем быстро ударила костяшками еще пять раз. Послышалось шарканье ног и шепот из-за ворот, а затем они распахнулись.

Хотя эти слуги знали, что нужно отпереть дверь после этой серии стуков, никто не встретил девушку, как она и просила. Потому никому из них не придется лгать о том, что они видели ее. Неудача девушки не стоила жизней всех здешних молодых женщин, а цена за хранение ее секретов была слиш-

² Дзинрикисю – колесное транспортное средство, перевозящее одного-двух пассажиров, которое тянет человек.

³ С яп.: один, два, три, четыре.

ком высока.

Она прошла по полированным камням сада мимо журчащего ручья и трех его миниатюрных водопадов и окунулась в музыку звенящего смеха и ритмичного сямисэна. Затем она проплыла мимо элегантного сада с бонсай и обогнула чайный павильон, выходя к небольшому зданию неподалеку. У раздвижной двери с замысловатой резьбой ждала ее верная служанка Кирин с кувшином чистой воды в руках.

Кирин поклонилась. Девушка ответила тем же.

Когда девушка сняла сандалии, веснушчатая служанка толкнула раздвижную шелковую дверь, ведущую в комнату, вдоль стен которой стояли два больших сундука *тансу*⁴ из красного кедра, обитого черным железом. Девушка переступила через высокий порог и уселась перед полированной серебряной поверхностью, находившейся за рядами изысканной косметики и стеклянных флаконов.

Она уставилась на свое отражение. На изящные линии лица. Те самые, что так хорошо скрывали ее в этих стенах.

– Не хотите ли принять ванну? – спросила Кирин.

– Да, пожалуйста, – ответила девушка, не отводя взгляда.

Служанка снова поклонилась и развернулась, чтобы уйти.

– Кирин? – девушка повернулась. – В мое отсутствие ничего не доставляли в *окия*?⁵

– Мне очень жаль, – Кирин покачала головой, – но сегодня

⁴ Тансу – японские традиционные переносные сундуки для хранения вещей.

⁵ Окия – дом, где живут гэйко и майко.

для вас не было сообщений, Юми-сама.

Асано Юми кивнула. Вернула взгляд к зеркалу.

Ее брат Цунэоки скоро найдет ее. Она была в этом уверена. После того как Оками сдался в лесу три дня назад, она и Цунэоки больше не могли позволить себе бездельничать, мечась между тенями и оставляя за собой шепот. Не могли они и дальше позволять своему болезненному прошлому определять ход их будущего. Это правда, что старший брат Юми ранил ее. Ранил глубоко. Этой его ложью о том, кем он был. Его слепым упорством, что только он один владел ответами. Что он один имел право делать выбор.

Хотя его выбор всегда оставлял Юми в одиночестве и в стороне.

Много лет назад небрежность Цунэоки заставила Юми взобраться на стены своей надушенной тюрьмы и полететь над изогнутыми черепицами. Упрямое самомнение ее брата дало ей крылья. Которые помогли ей летать везде и всюду.

Юми рассеянно поигрывала алебастровой крышкой баночки, наполненной пчелиным воском и измельченными лепестками роз.

Ее брат носил свои улыбки так же, как она носила эти краски. Ухмыляющаяся маска, чтобы скрыть ярость и разбитое сердце. Их мать говорила, что они должны быть осторожны с масками, которые они выбрали носить. Потому что однажды эти маски могут стать их лицами. Слыша это предупреждение, Цунэоки часто косил глазами и скользил язы-

ком по оскаленным зубам, как змея. При виде этой гримасы Юми постоянно сгибалась пополам от смеха. В детстве ее брат всегда смешил ее. Всегда заставлял ее верить.

Пока все это не кончилось, как пламя, погасшее на ветру. Крышка со звоном скользнула, падая мимо баночки и вырывая Юми из ее мыслей. Она снова встретила свой взгляд в зеркале.

Моргнула в ответ на намек на слезы в уголках глаз. Сжала челюсти.

Пришло время клану Асано начать вершить свое правосудие.

Правосудие, которое ждало десять лет.

Юми снова подумала о камне, который сегодня держала в руке. Хотя все произошло только сегодня утром, казалось, что это было в другом мире. Она вспомнила крики возмущения из толпы. Они посчитали ее действия глупыми. Но лишь потому, что они боялись и построили всю свою жизнь на этом страхе. Пришло время выжечь его изнутри. Ударить по самому его основанию.

И Юми начала с камня. Звук, с которым он ударился о поминальную табличку императора, отдавался в ее ушах. Первый из многих будущих боевых кличей.

Она все еще чувствовала его шершавую поверхность на своей ладони.

Пришло время клану Асано восстановить справедливость в Империи Ва.

Или умереть в попытке.

Маска милосердия

Возле ветхой кузницы в районе Ивакура патрулирующий пехотинец наткнулся на черную маску, почти утонувшую в грязи.

Ярость затуманила его зрение. Но быстро сменилась страхом. Он искал здесь раньше. Свидетельство его усилий – опрокинутая бочка для дождевой воды – насмехалось над ним, с каждым мгновением погружаясь все глубже в грязь. Если кто-нибудь обнаружит, что он позволил мальчишке в маске ускользнуть, солдат будет наказан. Быстро и безапелляционно.

Он шевельнулся, чтобы засунуть маску в рукав, но тут его внимание привлекли признаки жизни. За грязным экраном из рисовой бумаги в задней части кузницы мигнул фонарь. Глаза солдата сузились. В четыре шага он подскочил и ногой выбил хлипкую дверь из бумаги и дерева.

За столом сидела женщина с маленьким ребенком, склонившись над свитком мятого пергамента. Она учила сына читать. Женщина выглядела измученной и изможденной, а

у мальчика, стоявшего на коленях перед низким столиком, глаза блестели, как смазанное олово.

Без колебаний женщина заслонила сына, прикрывая его своим телом как щитом. Она взглянула на грязную маску в руке солдата, ее опущенные глаза расширились. Всего на краткий миг, но солдат заметил его.

Это не было выражением удивления. А скорее понимания.

Признания.

Это мгновение ясности определило следующее решение солдата. Никто не узнает, что он позволил мальчику в маске – предателю, который осмелился бросить камень в похоронную процессию императора, – сбежать.

Взмахом меча солдат устранил причину своего беспокойства. Заставил одним ударом замолчать женский голос. Глядя, как мать безжизненно рухнула на утоптаный земляной пол, мальчик задрожал, его оловянные глаза наполнились слезами.

На мгновение вдоха солдата охватила неуверенность.

Нет. Он не отнимет еще и эту маленькую жизнь. Маленькую жизнь, которая когда-нибудь сможет послужить делу их божественного императора, возможно, даже лучше, чем он сам.

Поэтому солдат поднес палец к губам. Доброжелательно улыбнулся. Милосердие, которое растопило последние оставшиеся следы вины. Затем он взъерошил волосы маль-

чика и стряхнул кровь со своего клинка, прежде чем уйти тем же путем, которым пришел.

Войдя в сгущающуюся тьму за старой кузницей, солдат поднял подбородок. Облака клубились над головой, заставляя его желудок сжиматься, как будто он побывал в битве. Возможно, с его стороны было бы мудро послать кого-нибудь чуть позже проверить, как там мальчик в кузнице. Другую женщину, быть может. Кого-то...

Его брови нахмурились.

Нет. Мальчик был не его заботой. В возрасте этого мальчика солдат уже заботился о себе и двух младших сестрах. У мальчика, несомненно, была семья. В конце концов, не могла же его мать работать в кузнице. Просто смешно! Женщина, работающая на наковальне. Раздувающая мехи. Выковы-вающая меч!

Солдат хмыкнул себе под нос. Мягкий смех разрастался громче, когда в его животе туго скрутился узел. Когда низкий гул загудел в его барабанных перепонках.

Его смех превратился в кашель.

Кашель, от которого перехватывало дыхание.

Солдат согнулся пополам, упираясь ладонями в колени. Его затрясло, когда он изо всех сил попытался вдохнуть воздух. Дрожь охватила все тело, пока не содрогнула саму его душу. Гул разливался вокруг него, звеня в ушах. Принуждая опуститься к земле.

Последнее, что он запомнил, была маска, покрытая кор-

кой темной грязи.

* * *

Лиса с желтыми глазами рядом с опрокинутой бочкой наблюдала, как пехотинец рухнул на улицах района Ивакура и закорчился в грязи, разевая рот в беззвучном крике.

Она медленно ухмыльнулась. Со знанием дела. Ее мрачная задача была выполнена. Ее темная магия расплелась над землей.

Затем она исчезла в вихре дыма.

Высокая, гордая и несчастная

Это был сюжет из истории, которую она когда-то слышала.

Девушка в Золотом замке, на своем законном месте. Обрученная с сыном любимой супруги императора. Принесшая честь клану Хаттори.

Душистая вода в деревянном *фуру*⁶ была такой же, как дома. Словно теплый шелк, скользящий по ее коже. Чужие руки, растирающие плечи и спину Мариико, двигались почти так же, как дома, – без жалости, пока ее бледная кожа не засияла, как у новорожденного: розовая, влажная и безупречная. Служанка, брови которой сошлись на переносице в застывшем навеки осуждении, расчесывала ее волосы инкрустированным перламутром гребнем – почти так же, как ее няня, когда Мариико была помладше.

Все чувствовалось как что-то знакомое.

Но хотя Мариико сейчас ни в чем не могла быть уверена, это она знала наверняка – ее жизнь никогда не будет преж-

⁶ Фуру – традиционная деревянная ванна. Человек погружается в фуру по плечи.

ней.

Под бдительным присмотром ее брата они прибыли в Инако прошлой ночью. В столицу, окутанную трауром. Чьи улицы были наполнены шепотом. Сегодня были похороны их императора, его смерть была внезапной, окутанной паутиной подозрений. Поговаривали, что плач императрицы после обнаружения тела был слышен во всех семи мару. Он разнесся даже за железные с позолотой ворота замка. Она кричала, что это было убийство. Выплескивала свою ярость на всех вокруг, обвиняя их в предательстве. Потребовалась целая стая служанок, чтобы успокоить ее и помочь дать волю слезам.

Пока не затихли последние всхлипы смирения.

Но за этой приглушенной напряженностью кипело что-то зловещее. Прошлой ночью, когда вторые ворота, ведущие в замок, со скрипом закрылись за ними, воздух вокруг Мариико замер. Испустил последний вздох слабый ветерок, дувший за экраном ее норимоно. В небесах прокричала сова, и ее крик эхом отразился от каменных стен.

Как бы предупреждая ее.

Предупреждая, что здесь, в Инако, у Мариико не будет времени на передышку. Но она и не желала ее. Она бы и не позволила себе ничего подобного.

Глубоко в недрах этого замка последний в роду прославленных сёгунов ждал неминуемой гибели: последнего суда столицы. И ложь, в которую был облачен этот город, – ложь,

укутанная в шелка и сталь, – мерцала прямо под поверхностью, готовясь принять форму. Какой бы ни была цена, Марико превратит ее в то, чем она была с самого начала.

В правду.

Она стиснула зубы. Готовясь к предстоящему бою. Он будет не похож ни на что, к чему ее готовили Оками и Черный клан в лесу Дзюкай. В этом бою в ее распоряжении не будет оружия из дерева, металла и дыма. Вместо этого она будет вооружена только своим умом и храбростью. Это будет именно та битва, к которой она неосознанно готовилась с самого детства, сражаясь со своим братом Кэнсином.

Битва ума против мускулов.

Здесь, в Инако, броня Марико будет состоять не из закаленной кожи и украшенного шлема. Это будут духи и пудра на лице. Ей придется заставить принца Райдэна – своего жениха – поверить ей. Он должен увидеть в ней несчастную жертву, а не злодейку, пошедшую на все по своей воле.

«Хотя я и планирую стать злодейкой во всех смыслах этого слова».

Пусть даже у Хаттори Марико заберут все, даже ее жизнь, она не позволит тем, кого она любила, стать добычей тех, кто хотел их уничтожить. Она узнает правду о том, кто замыслил убить ее в тот день в лесу. Почему они пытались взвалить вину за это на Черный клан. И какая причина лежит в самой глубине их заговора.

Даже если за покушением стояла сама императорская се-

мья.

Даже если ее собственная семья может оказаться в опасности.

От этой мысли по ее коже пробежали мурашки, как будто вода в фуру неожиданно обратилась в лед.

Выбор Кэнсина был сделан задолго до того, как он вошел в лес Дзюкай, неся их фамильный герб рядом с гербом императора. Еще до того, как он заставил солдат стрелять по своей единственной сестре, обрушив на нее ливень из огня и пепла. Он был самураем, а самурай следовал приказам своего господина до самой смерти. Самурай не задавал вопросов.

Его клятва была одним из символов непоколебимой веры.

Но время, проведенное Мариико с Черным кланом, научило ее, чего стоит эта слепая вера. Она отказывалась ставить имя Хаттори на один уровень с этой ленивой столичной знатью. С той самой знатью, которая только и делала, что набивала свои карманы и наращивала влияние за счет угнетенных. За счет тех, кого они должны были защищать. Как та пожилая женщина, которая заботилась о детях в приходе Ивакура, что зависела от поддержки Оками и Черного клана.

«Защиту».

Мариико прижала колени к груди, пряча сердце, не давая укорениться самым худшим из своих опасений.

«Что, если Оками уже мертв?»

Она крепче сжала колени.

«Нет. Он не умер. Этого не может быть. Они захотят

устроить представление из его казни».

«И когда они это сделают, я буду рядом и защищу его».

Сама мысль о том, что у Марико были силы защитить того, кого она любит, казалась странной. Раньше она никогда не могла подобрать правильных слов. Никогда она не умела использовать правильное оружие. Но сама изобретательность может стать оружием во всех ее проявлениях. Ее разум может быть мечом. А голос – топором.

Ее ярость может разжечь пламя.

«Защиту».

Марико никогда не позволит Оками – юноше, укравшему ее сердце темной ночью глубоко в чаще шумящих деревьев, – потерять все, за что он сражался. И она не позволит себе потерять то, что она любит. Она наблюдала из теней, как Кэнсин позволил солдатам отправиться по ее следам в лесу Дзюкай. Чувствовала боль от предательства брата с каждым его вопросительным взглядом. Она прикусила язык, когда эти самые солдаты заставили Оками опуститься на колени в грязь и сдаться. Как они издевались и высмеивали его с высоты своего роста.

Марико сглотнула, горечь переполнила ее горло.

«Это больше не повторится. Я защищу тебя, чего бы мне это ни стоило».

– Взгляните на свои ногти, – размышления Марико превращала служанка, морщины на ее лбу стали еще глубже. Ее осуждение вызвало новые воспоминания из детства девушек.

ки. – Вы как будто всю жизнь выкапывали из грязи камни. – Она цокнула языком, продолжая изучать пальцы Марико. – Это руки *госпожи* или посудомойки?

Перед глазами Марико все поплыло, когда она посмотрела на свои покрытые ссадинами костяшки. Перед ее мысленным взором возникла еще одна пара рук, и те мозолистые пальцы переплелись с ее. Соединились в одно целое.

Чтобы стать сильнее.

«Оками».

Марико моргнула. Привела хаос своих мыслей во что-то целостное. Она прикусила губу и раскрыла пошире глаза.

– Черный клан... они заставляли меня заниматься грязной работой. – Ее голос звучал тихо. Блекло. Именно так, как ей требовалось.

Служанка фыркнула в ответ, на ее лице все еще было написано сомнение.

– Тут не иначе как помощь магии потребуется, чтобы исправить этот ущерб. – Ее слова были такими же резкими, равнодушными к притворной робости Марико. Странно, хотя упрек этой женщины ни в коей мере не был утешительным, он все же немного согрел Марико. Он напомнил ей тихое, вездесущее ворчание ее матери.

«О нет. Только не это».

Поведение служанки напомнило ей о Ёси.

При мысли о ворчливом добродушном поваре у Марико не на шутку заслезились глаза.

Служанка уставилась на нее с поднятыми бровями.

Но на этот раз осуждение пожилой женщины вызвало у Мариико совершенно иную реакцию.

Гнев забурился под ее кожей. Она отдернула руку и отвела взгляд, как будто испугалась. Устыдилась. Суровое лицо служанки дрогнуло. Как будто стыд Мариико она могла понять и принять. Когда она снова взяла руку Мариико в свою, ее прикосновение было осторожным. Почти нежным.

А Мариико тем временем пыталась обуздать свой гнев, и мысль проскользнула в ее голове:

«Мой страх, даже притворный, кажется убедительнее в сочетании с гневом».

Одна из девушек, помогавшая грубой служанке, поклонилась возле деревянной ванны, прежде чем поднять с пола ворох грязной потрепанной одежды.

– Моя госпожа, я могу избавиться от этого? – Ее круглое лицо и нос пуговкой сморщились от отвращения.

Это была одежда, которую Мариико носила в лесу Дзюкай, когда притворялась мальчишкой. Она отказывалась избавиться от выцветшего косодэ и штанов, даже несмотря на настояния Кэнсина. Это было все, что у нее осталось. Ее глаза расширились, заставляя лицо, как она надеялась, принять печальное выражение. Мариико покачала головой.

– Пожалуйста, постирайте их и сложите в комнате. Несмотря на то что я больше всего хочу забыть о том, что со мной произошло, важно иметь хоть одно напоминание о

последствиях неправильного поворота в жизни.

Ворчливая старая служанка фыркнула в ответ на ее слова. Другая девушка схватила руку Марики и принялась тереть под ногтями щеткой из щетины из конского волоса. Пока та была занята делом, служанка с круглым лицом и носом пуговкой добавила в воду ароматные масла и бросила свежие цветочные лепестки. Масло поблескивало вокруг Марики, как угасающая радуга. Лепесток приклеился к внутренней стороне ее колена. Она опустила ногу под воду и смотрела, как лепесток уплывает.

Это зрелище напомнило ей о том, что сказал старик в таверне в ту ночь, когда она впервые встретила Черный клан, одетая как мальчишка. Он сказал ей, что она похожа на воду. Тогда Марики резко отвергла его слова. Вода была слишком текучей и изменчивой. А ее мать всегда говорила, что Марики похожа на землю – бесконечно упрямая и прямолинейная.

«Сейчас мне больше, чем когда-либо, надо стать водой».

Марики задумалась о том, что стало с Черным кланом после того, как Оками сдался ее жениху. Задалась вопросом, как Ёси, Харуки, Рэн и все остальные перенесли этот страшный удар. Всего три ночи назад они узнали, что их главарь годами обманывал их. Что на самом деле он не был сыном Такэды Сингэна. Что юноша, за которым они следовали почти десять лет и которого называли Ранмару, оказался сыном Асано Наганори. Что он взял на себя роль Такэды Ранмару, чтобы защитить своего лучшего друга и загладить вину

за предательство отца – предательство, которое разрушило обе их семьи. Что настоящее имя этого юноши было Асано Цунэоки.

Что всех их обманули.

А жених Марико – принц Райдэн – покинул лес с добычей, достойной того, чтобы преподнести ее на могильный холм своего отца.

С настоящим сыном Такэды Сингэна, последнего сёгуна Ва: Оками.

Ненависть вспыхнула и быстро погасла в груди Марико. Чувство вины свернулось в ее желудке. Она посмела сидеть в ванне с ароматной водой, позволяя полировать свою кожу и расчесывать до блеска свои волосы, в то время как судьба тех многих, кто был ей дорог, была неизвестна.

Она сделала успокаивающий вдох.

Это было необходимо. Это была причина, по которой она попросила Кэнсина отвезти ее в Инако. Если Марико собиралась привести в исполнение свой план, придуманный за время пути из леса Дзюкай в столицу, она должна была заполучить власть. Должна найти способ освободить Оками. Должна убедить своего жениха, что она – именно та влюбленная глупая девушка, которую он, несомненно, желал бы видеть своей невестой. Затем, как только она завоюет некоторое доверие, она сможет найти способ начать передавать информацию вовне. Тем, кто боролся за то, чтобы изменить будущее столицы и восстановить справедливость для ее жи-

телей.

Тем, кто хотел свергнуть зло с его хваленного пьедестала.
– Встаньте, – резко потребовала служанка.

Уважение к старшим – вне зависимости от статуса – заставило Марику беспрекословно подчиниться свирепой женщине. Она позволила ей отвести себя к самому большому зеркалу из полированного серебра, которое она видела в жизни. Ее глаза расширились при виде отражения своего обнаженного тела.

Время, проведенное в лесу Дзюкай, изменило Марику и внешне. Углы ее лица обострились. Она стала тоньше. То, что раньше было стройным, теперь стало отточенным. Мышцы, о существовании которых она не подозревала, двигались, когда она шевелилась, словно рябь на поверхности пруда.

Она стала сильнее во многих отношениях.

Пожилая служанка снова цокнула языком.

– Вы тонкая как тростинка. Ни один мужчина не захочет ласкать кожу да кости, и уж тем более такой, как принц Райдэн.

Марику снова захлестнуло желание огрызнуться. Несмотря на то что причин презрения служанки она толком не понимала, она подозревала, что эта пожилая женщина считала девушку, жившую среди разбойников, недостойной выйти замуж за члена императорской семьи. Не заслуживающей внимания принца. Правда вспыхнула огнем внутри ее. Она была кем-то большим, чем просто объектом желания муж-

чины. Но в этом конкретном случае служанка была права. Ей действительно надо больше есть, если она собиралась сыграть свою роль правильно.

«Будь водой».

Марико улыбнулась со сжатыми зубами. Позволила своим губам дрогнуть, будто она ужасно устала. Ослабла.

– Ты права. Пожалуйста, сделай все, что в твоих силах, даже если потребуется магия, чтобы вернуть меня к моему прошлому «я». Помоги мне стать женщиной, которая могла бы понравиться принцу. Больше всего на свете я хочу забыть все, что со мной случилось. – Она изо всех сил постаралась вытянуться. Старалась выглядеть гордой.

Хотя морщины на лице служанки стали глубже, она кивнула:

– Меня зовут Сидзуко. Если вы будете делать так, как я говорю, возможно, мы сможем исправить последствия этого... несчастья.

Марико скользнула руками в предложенный ей шелковый нижний халат.

– Сделай меня достойной принца, Сидзуко.

Сидзуко фыркнула и кашлянула, а затем махнула другим служанкам выйти вперед. В их руках были рулоны блестящей ткани. Стопки парчи и расписного шелка, завернутые в листы прозрачной бумаги. Подносы с украшениями из нефрита и серебра и черепаховыми гребнями.

Марико провела кончиком пальца по тонкой серебряной

шпильке. Вспомнила, когда в последний раз держала подобную в руке.

В ту ночь, когда она проткнула глаз мужчине за то, что тот напал на нее.

Марико знала, что ей нужно делать. Ради тех, кто ей дорог, ей нужно было казаться высокой и гордой.

И несчастной.

Она заговорила почти шепотом, как будто ее слова были не чем иным, как запоздалой мыслью:

– Императорской семье потребуется, чтобы я выглядела такой же сильной, как они.

«Так же как и им это понадобится».

Потому что у Хаттори Марико был план.

И эта недовольная старая женщина уже подарила ей первую часть головоломки.

Бык и крыса

Между ними были сложные отношения.

Построенные на каркасе из ненависти, сложившиеся на фундаменте обмана. Отношения, корнем уходившие в интриги двух молодых матерей, которые воспитывали своих сыновей так, чтобы те разделили их взаимную неприязнь, пока сами женщины соперничали за внимание скушающего императора. Ждали, пока он одарит их своей благосклонностью.

Одна из матерей была хороша в этой игре, но она вступила в нее с явными и скрытыми преимуществами. Стройная сильфида, еще много лет назад покорившая сердце будущего императора. Женщина, коварство которой превосходило ее красоту. Колдунья с магией, текущей по ее венам. Она воплотила его мечты в реальность. Научила общаться с разными существами и собирать секреты в тенях. Женщина, показавшая ему, что такое любить и быть любимым. Канако, родившая первенца императора – Райдэна. Канако, которая была низведена на второе место в жизни императора,

несмотря на господство в его сердце.

Другая женщина была навязана императору долгом и семьей. Она – со своим приданым в миллион коку – тяготила его, охотилась на него, уводя прочь от его истинной любви. Но он заставил ее заплатить за это. В течение многих лет императрица Гэнмэй правила лишь одиноким курятником хихикающих приспешниц, хотя ей и посчастливилось родить наследного принца, Року.

Эти две женщины воспитывали своих сыновей так, чтобы они возненавидели друг друга.

Но несмотря на все усилия их враждующих матерей, между сводными братьями образовалась неожиданная близость.

Весной на своем десятом году Райдэн сломал ногу, упав с лошади. Пока его рана заживала, малыш Року украдкой носил для него сладости, спрятанные в шелковом рукаве его кимоно. Затем – когда Року в одиннадцать лет заболел опасной для жизни болезнью – уже Райдэн сидел у его постели, рассказывая похабные истории, которых Року еще не понимал.

Но младший брат все равно смеялся над ними.

Их матери продолжали шептаться им и хмуриться, глядя на то, как мальчики делятся улыбками, но два брата крепко привязались друг к другу, соединив себя прочной дружбой. То, что началось как осторожное детское доверие, со временем переросло в прочные узы. Но все равно те, кто нашептал им, часто задавались вопросом, не придется ли сводным

братьям столкнуться с настоящим испытанием их связи.

Противостояние силы и права.

Бык против крысы. Один – трудолюбивый, другой – сообразительный. Две стороны одной и той же незаконченной медали.

Этой ночью два сына императора Минамото Масару стояли рядом в луче света от потрескивающих факелов в самом низу замка Хэйан. Тот, что повыше, – старший брат – прислонился к каменной стене, его полированная броня отражала яркие языки пламени. Младший брат – пониже и похитрее – медленно вышагивал перед каменной лестницей, спускавшейся в темноту; его шелка казались чистыми и блестящими даже в самых темных уголках замка.

– Райдэн, – произнес новоиспеченный небесный повелитель Ва, замерев спиной к брату.

Райдэн насторожился и оттолкнулся от стены.

– Да, мой повелитель.

– Я знаю, что у тебя есть вопросы.

На лице старшего брата появилось задумчивое выражение.

– Больше опасения, чем вопросы.

– О, но ты забываешь: опасения – это удел неуверенных. – Року улыбнулся себе под нос, все еще стоя спиной к брату. – А вопросы для невоспитанных.

Холодный смех Райдэна прорезал тишину.

– Полагаю, я заслужил это. Отец был бы горд, услышав,

что ты напоминаешь мне об этом.

— Хотя он и во многом ошибался, у нашего отца всегда было наготове резкое замечание. — Року развернулся, глядя на старшего брата. — Но я не заинтересован в том, чтобы кто-то открыто бросал вызов мне, брат. — В его тоне звучало предупреждение, черты лица застыли в напряжении.

Райдэн скрестил руки на груди, закаленная кожа нагрудника скрипнула от этого движения.

— Я тоже не хочу бросать тебе вызов. Я лишь желаю избавить тебя от волнений.

— Тогда перестань быть их причиной. — Гладкий лоб Року сморщился. — Наш отец погиб при сомнительных обстоятельствах, и очень важно, чтобы мы узнали, кто несет ответственность за его безвременную кончину. Если я не покажу свою силу сейчас — не смогу утвердить свою власть над всеми, кто наблюдает за мной, как совы на охоте, — это навсегда ляжет тенью на мое правление. Необходимы решительные действия, и я ожидаю, что ты подашь пример своим непоколебимым послушанием.

С прямой спиной и гордо поднятым подбородком Року направился к каменной лестнице, чтобы начать спуск. Взметнулась рука, останавливая его. Одна из немногих рук, которой еще разрешалось безнаказанно прикасаться к нему.

— Ты веришь, что этот мальчишка виновен в смерти отца? — спросил Райдэн.

Року не ответил. Просто стряхнул с плеча руку своего

сводного брата.

– Это ниже твоего достоинства, Року, – мягко сказал Райдэн.

Молодой император изогнул бровь в немом предупреждении.

Улыбка озарила одну сторону лица Райдэна.

– Мой *повелитель*, – поправился он и склонился в поклоне.

– Для истинного лидера встретиться лицом к лицу с его врагом никогда не ниже его достоинства. – Року сделал еще один шаг вниз, и его брат поднял факел, освещая ему путь. Свет плясал по обитым деревом камням. – Я хочу посмотреть в лицо единственному сыну Такэды Сингэна и понять, что за кровь течет в его венах. Какой страх скрывается в его глазах. – Его улыбка была странно безмятежной, как лед, противостоящий завывающему ветру.

Райдэн спускался за ним, его попытки упорядочить слова и мысли были слишком очевидны.

– Если ты не веришь, что он виновен в смерти отца, зачем тебе что-то о нем знать? Просто прикончи его, и дело с концом.

– Я никогда не говорил, что считаю его невиновным, брат. Мальчишка вылез из своего укрытия через несколько дней после безвременной кончины императора.

– Совпадение. Мы вытащили его из леса.

– Я не верю в совпадения.

Мгновение прошло в тишине, прежде чем Року снова заговорил:

– Помнишь водный обелиск, который отец привез нам с запада, когда мы были маленькими?

– Механизм, показывающий время? Он сломался уже через два дня. Нас обоих наказали за это.

– Он не сломался. Я разобрал его.

Райдэн задумался на мгновение, прежде чем спросить:

– Ты хотел посмотреть, как он работает?

– Возможно. – Року взглянул на старшего брата. – Или, возможно, я хотел узнать, что у него внутри.

– Значит, тебе понравилось ломать его.

– Я никогда не был настолько инфантилен, брат, – тихо рассмеялся Року. – Мне легче контролировать что-то, когда оно разбито на части. Черный клан, сын Такэды Сингэна, любой враг, который увидит неудачи нашей семьи... – Его голос затих в пустоте, когда он сделал еще один шаг вниз.

Райдэн вздохнул, разочарование взяло верх над ним.

– Такэда Ранмару тебе не враг. Поверь моим словам: народные предания раздули репутацию мальчишки далеко за пределы разумного. – Его губы изогнулись в усмешке. – Большую часть этих десяти лет он прожил в лесу среди пьянчуг-простолюдинов. Он вор и бродяга. И ничего более.

Слова Року сорвались с губ, словно хлыст из тьмы:

– Этот бродяга – сын человека, который много лет препятствовал нашему отцу и бросал вызов нашей семье. Господин

Сингэн возглавил последнее восстание на наших землях.

— Это не значит, что его сын тоже чего-то стоит. Я победил его, ни разу не направив на него меч. — Факел в правой руке Райдэна вспыхнул, когда мимо них пронесся порыв едкого ветра.

Не обратив на это внимания, Року продолжил с прежней спокойной улыбкой:

— Я уже говорил раньше: твое высокомерие не идет тебе на пользу, брат.

— Твое любопытство в этом вопросе тоже не пойдет тебе на пользу, мой повелитель, — сказал Райдэн. — Просто позволь мне убить его. Покончим с ним быстро и тихо.

Року сцепил руки за спиной.

— Даже если он окажется невиновным, из его смерти следует устроить зрелище.

— Что ж, отлично. Мы можем утопить его в бухте Эдо. Вверх ногами, как отец поступил с Асано Наганори. Или растянем его на крепостных валах, пока его руки не разорвутся.

— Позже, — согласился Року, — но не сейчас. Скосить сорняк не поможет. Нужно вырвать его с корнем. — Он закрыл глаза, как будто это движение могло очистить его разум. Внести ясность в его мысли. — Вот в чем ошибка нашего отца. Он не захотел вырывать предательское семя Такэды Сингэна. Он не нашел времени, чтобы разорвать своего врага на куски, и это привело к его смерти. — Его глаза вспыхнули, когда тень упала на его лицо, как грозовые тучи, собираю-

щиеся над озером. – Я стану лучшим императором, чем наш отец. Я найду все эти сорняки до последнего и вырву их с корнем. – Последнее он произнес тихо, с оттенком угрозы.

Райдэн ответил ему с большой осторожностью:

– Возможно, ты прав, мой повелитель. Нельзя отрицать, что семья Такэда была проблемой с тех пор, как господин Сингэн поставил под сомнение замыслы нашего отца относительно империи. – Он резко вдохнул через ноздри. – Но возможно... если мы узнаем, как подчинить себе его сына или хотя бы склонить его на нашу сторону, мы сможем сделать то, что не удалось нашему отцу, и объединить наши земли.

Року посмотрел на своего брата, будто видел перед собой глупого ребенка. Того, к кому он питал теплые чувства.

– Объединить наши земли? – Черты его лица на мгновение застыли, с губ сорвался едкий смех. – Я знаю, в чем заключается моя сила. Но знаешь ли ты свою?

– Моя сила в служении и защите моего императора. – Холодный свет вспыхнул в глазах Райдэна. – И в отмщении тем, кто стремится нас уничтожить.

– Если ты хочешь защитить меня, брат, ты должен научиться контролировать окружающих. – Року одобрительно вздохнул. – Отмщение должно быть вовремя. Контроль – вот к чему я стремлюсь. Страх будет моим оружием.

На лице Райдэна отразилось понимание.

– Ты хочешь контролировать Такэду Ранмару с помощью

страха.

Року кивнул.

– Сначала мы должны дать ему повод для страха – но не что-то настолько простое, как смерть. Нужно что-то глубже. И к этой задаче надо подойти с умом. Если я хочу, чтобы народ Ва безоговорочно уважал меня, я должен действовать по уму.

Райдэн задумался.

– Ты беспокоишься, что твои люди не будут уважать тебя? Будут, ты же их небесный повелитель. Это их долг и твое право.

– Нет, брат, – покачал головой Року, – уважение – это не дар. Его нужно заслужить. – С этими словами он ускорил шаг на последних каменных ступенях и остановился внизу. Дав глазам привыкнуть, он принялся бормотать, глядя на стену тьмы перед собой.

Словно призрак, из темноты появился человек. В его костлявых руках был небольшой деревянный сундучок, окоченный тусклым железом. На первый взгляд казалось, что железо проржавело, но в воздухе витал намек на что-то куда более зловещее, похожий на запах меди, надолго оставленной под дождем. Мужчина поклонился, его капюшон с прожженными следами упал на лоб. Не говоря ни слова, Року жестом приказал мужчине следовать за ним.

Райдэн на миг задержался, на его лице отразилось смещение. Он взглянул на темноту перед собой, а затем повернул-

ся к свету, оставляемому за спиной. Его взгляд уловил признаки движения на вершине лестницы.

Фигура его матери плыла вниз в дымке от факельного огня. Увидев его, она остановилась, ее голова склонилась набок, и распущенные волосы чернильным водопадом упали на одно плечо. Не говоря ни слова, она заставила струйки дыма от ближайшего факела скрутиться между ладонями и начала медленно вращать пальцами по кругу. По ее приказу под пальцами начали образовываться формы. В свете факела они затвердели и ожили, когда она дунула на них мягким потоком воздуха, направляя их к сыну.

Массивный бык копытами давил коварного грызуна.

Райдэн нахмурился, глядя на мать. В детстве ее магия очаровывала его. С ее помощью она воплощала в жизнь такие сказки, о которых другие дети могли только мечтать. Ее магия оберегала его от осуждения при дворе. Это была причина, по которой знать проявляла к нему уважение, несмотря на обстоятельства его рождения.

Этот страх перед магией его матери был формой контроля, ведь магия была редкостью. А магия, как у его матери? Она была еще реже. Такая магия даруется раз в поколение потерянными духами бесчисленных жизней этого мира.

Это была магия, которой он не обладал. Магия, которую Райдэн когда-то пытался понять, но лишь обнаружил, что у него это никогда не выйдет, потому что она не была предназначена ему.

Он не был благословлен талантом.

Раздражение отразилось на его лице. Он был прав, отвергнув совет матери. После секундного колебания Райдэн направился по стопам своего императора, отвернувшись от магии, что спасала в детстве.

* * *

Канако смотрела, как ее единственный сын исчезает в темноте внизу. Глубокая боль свернулась в ее сердце. Пронзила ее грудь и устроилась в животе, как ползучий угорь, затаившийся в камышах.

Она знала, что ее сын-воин не поколеблется в верности своему правителю, но все равно решила испытать его. Просто чтобы посмотреть, как он отреагирует. Чтобы узнать, не передумал ли он. Райдэн находился на том особом этапе жизни, когда он желал всего, думал, что знает все, и надеялся жить вечно. Иногда это приводило к непредвиденным последствиям.

Но время научило Канако, что ожидания редко сбываются. Смерть всегда забирала то, что ей причиталось. Единственное, что оставалось непоколебимо верным, – это сила. Сила, которая у тебя была. Сила, которую ты даешь.

Сила, которую ты скрываешь.

Верность Райдэна своему младшему брату текла, как река Камо, через центр столицы, разрезая город надвое. Возмож-

но, Канако и ее сын время от времени будут стоять на противоположных берегах, но когда планы, которые она тщательно вынашивала в течение многих лет, наконец осуществятся, он без сомнений встанет рядом с ней.

Это правда, что Райдэн любил своего брата с завидной свирепостью. Но Канако была его матерью, и она многое потеряла, чтобы подарить ему все. Многие забрала у других, включая их умы, мысли и сердца.

Она не желала видеть, как он тратит все это впустую, особенно на сопливую крысу, одетую в желтый шелк.

Канако вздохнула и повернулась на месте. Края ее кимоно взлетели в воздух, поглощая ее, как увядшие лепестки, пока она не исчезла, не оставив после себя ничего, кроме следа своих духов.

Одержимые ветром и небом

То была ночь магии. Ночь, наполненная тайной, непостижимой энергией, пульсирующей в ее глубинах.

Обещанием и угрозой.

Все началось раньше, когда в воздухе собрался запах металла и мха. Последовавшая за этим летняя буря оживила все, до чего дотянулась, создав пышность облаков, которая сохранялась еще долгое время после того, как солнце окрасило их.

Обещание.

Вслед за первыми каплями дождя в небе сверкнула молния. С далеких гор донесся грохот грома.

Угроза.

Как и последние пять поколений, крепость Акэти Такамо-ри стойко противостояла буре, непоколебимо служа клану Минамото. В конце концов, проливной дождь ничто по сравнению с муссонами, которые непременно нагрянут в ближайшие месяцы. Сегодня ночью гром и молнии странно противоречили безразличию дождя. Как будто угроза, исходящая

от облаков, была осуществлена вполсилы.

По мере того как начинался дождь – его стук сливался с эхом стрекота насекомых и звуков роющих существ, – новый звук пронесся сквозь деревья на краю владений Акэти.

Из самых потаенных уголков тени начали выползать фигуры. Их углы и очертания, казалось, были созданы самой ночью. Каждый их шаг опускался на землю, как будто ими руководила чья-то невидимая рука. В старых сказках их называли бы демонами, выползающими из леса, призванными под темнеющим небом. Эти истории со временем были забыты, точно так же, как и древняя магия являла себя все реже с каждым проходящим годом. Теперь остались только те, кто был рожден для этого искусства, и те, кто был готов рискнуть своей жизнью ради его приобретения. Они жили, чтобы вдохнуть в эти сказки правду.

Но это были не ожившие демоны леса. За исключением одного, это были мужчины. Их было по меньшей мере сорок. Одетые в черное, в масках, спешка гнала их сквозь тьму к подножью логова врага. Они низко пригнулись к земле и пошли через пологое русло ручья прямо к сложенным из камня стенам крепости Акэти, остановившись как один под ее нависающей тенью. Невидимая рука безмолвно разделила группу мужчин на две части. Одна половина присела на корточки, гуськом скользя к камышам у задних ворот, их синхронность была идеальной, их шаги казались непрерывной рябью. Если бы ночной ветер вдруг утих, единственны-

ми оставшимися звуками были бы натяжение веревки и шелест вытаскиваемых лезвий.

И короткие выжидательные вздохи.

Вторая половина мужчин двинулась вдоль стены в противоположную сторону. Они прижались спиной к каменной кладке, пока их предводитель – единственный демон в их рядах – изучал кладку наверху: выемки, образовавшиеся на поверхности, пустоты между камнями без раствора. Затем демон в маске издал крик, похожий на скворца, его сигнал четко и отчетливо пронесся сквозь ночь. Этому он научился у своего отца, Асано Наганори. Способности подавать сигнал и не быть обнаруженным.

Из кольца высоких теней на краю леса прицелился опытный лучник, его черный кожаный косодэ и сияющие глаза подчеркивали его движения. Первая стрела пронеслась сквозь тьму, со свистом устремляясь к цели. Ее стальной наконечник вонзился между сложенными камнями на расстоянии вытянутой руки над их головами.

Асано Цунэоки ухватился за стрелу. Проверил, выдерживает ли она вес. Затем грациозным движением взлетел вверх. Прежде чем его другая рука потянулась к следующему захвату, вторая стрела уже пролетела сквозь ночь и вонзилась в кладку как раз над первой. Стрелы продолжали лететь к стене, пока он двигался по крепостным стенам вверх, каждое его движение было неторопливым и выверенным, и сила демона помогала ему в этом, пульсируя в его венах. Того само-

го демона, который, если его оставить без присмотра в пятне лунного света, поднимался над землей в образе потустороннего существа: наполовину волка, наполовину медведя.

Достигнув вершины, Цунэоки глубоко вздохнул и затаился, подавляя желание восторжествовать. Их задача только началась. Хотя всего за четыре дня Черный клан уже изгнал двух верных подданных императора из своих земель, эта цитадель должна стать крепостью для его людей. Местом, где они смогут безопасно собираться и разрабатывать стратегию, как бы много времени на это ни потребовалось.

Более того, Цунэоки хотел эту крепость. В конце концов, Акэти Такамори был первым даймё, отвернувшимся от отца Цунэоки десятилетие назад. Первым, кто поджег цитадель Асано и с ликованием наблюдал, как она горит.

Теперь, спустя долгих десять лет, Асано Цунэоки вернет часть того, что потеряла его семья. Под ним во тьме сверкнула искра от кремня, ударившегося о камень. Окунутый в смолу наконечник стрелы вспыхнул пламенем, рассыпавшись множеством языков огня и образовав внизу ровный ряд.

В унисон люди Черного клана взметнули огненные стрелы вверх и выпустили их разом. Плавающие стрелы устремились к небу, застыли на жуткое мгновение, а затем перелетели через стену и вонзились в соломенные крыши с другой стороны.

За мгновение, за которое он успел лишь моргнуть, солома

вспыхнула. Хриплые голоса и полусонные крики донеслись со двора Акэти. Жуткий вой прорезал тьму, как крик животного, пойманного в железную ловушку и наблюдающего, как его жизнь вместе с кровью медленно вытекает из зажатой конечности. Большинство людей вокруг крепости замерли в ожидании. Две фигуры в черном принялись карабкаться по стене, используя те же вонзившиеся в камень стрелы, чтобы подтянуть свой вес.

По мере того как пламя разгоралось, вой внутри все усиливался, и этот звук терзал темно-синее небо. Вторая группа мужчин, сидящих в камышах у задних ворот, в тревоге замерла, волосы на их затылках встали дыбом.

На вершине стены Цунэоки подал сигнал тем, кто внизу, наблюдая, как слуги Акэти с кувшинами и ведрами поволокли ноги к воротам. Очень скоро ничего не подозревающие люди внутри подняли железную решетку, и со скрипом открылся вход. Мужчины и женщины побрели к воде. Испытывая торжество от предстоящего успеха своего плана, члены Черного клана, притаившиеся поблизости, поднялись на ноги. Предвкушение кипело у них внутри.

Но еще до того как они успели сделать хоть шаг, они замерли, их триумф омрачился чувством тревоги.

Пронзительный вой становился все громче, пока не превратился в визжащее жужжание. В гул. Он влетел в их головы, заставив нескольких мужчин закрыть уши руками. Безмолвные люди, вышедшие из крепости, шаркая, побрели к

воде и принялись наполнять свои горшки и кувшины. Фигура верхом на лошади проскакала мимо них, щелкая кнутом.

Обеспокоенный нарастающей странностью, Цунэоки снял петлю прочной веревки со своего левого бедра. Закрепив ее на зубце, он скользнул на землю во двор Акэти, веревка крутилась между его обутых в сандалии ног. В момент, когда он отпустил ее, выхватил катану из ножен и скользнул вперед в поисках солдат. Не найдя никого, Цунэоки схватил за плечо девушку, которая, шатаясь, брела к пожару с треснувшим кувшином в руке. Она повернулась на месте, ее черные глаза подергивались, рот был открыт, словно в немом крике.

Цунэоки резко вдохнул. Чуть не отпрыгнул назад. Голова девушки расплывалась от дрожи. Двигалась во всех направлениях, как сломанная кукла с выбитым шарниром на шее. Ее дрожь перешла в твердую вибрацию. Лицо исказилось от ужасной боли, но она ничего не говорила. Ничего не делала, даже не пытаясь сбросить его руку с плеча.

Сердце Цунэоки застучало в ушах. Низким гулом отдавалось в теле. Дрожь прокатилась по его груди, та же вибрация укоренилась и в нем. Он снова обернулся в поисках солдат, самураев, хоть кого-то, кто мог предложить объяснение болезни, свирепствовавшей в этих владениях.

Эти люди не были целыми. Что-то проникло в их разум и завладело их мыслями, и его хватка была безжалостна и беспощадна. Цунэоки свистнул своим людям, на этот раз его крик был похож на крик водоплавающей птицы, его страх

заострил звук.

«*Бегите*, – говорил он своим людям. – *Немедленно бегите отсюда*».

Как только он отпустил плечо молодой женщины, шум в ушах стал стихать.

Но все же его тело не прекращало дрожать. На мгновение Цунэоки поднял глаза на луну и глубоко задышал, пытаясь рассеять дрожь. Полностью сосредоточившись, он попросил ночное небо исполнить его приказ. То резко обрушилось на него. Прохлада лунного света заструилась по его венам. Он завертелся, задвигался, ледяной огонь запульсировал под его кожей, кончики его пальцев превращались в щупальца темного дыма – демон обретал форму.

Вой сорвался с его губ, с каждым мгновением становясь все более диким. Еще одно предупреждение всем тем, кто следовал его приказам. «*Уходите, пока еще можете*». Он откинул голову назад, заходясь в крике, а затем согнулся вперед, его черные медвежьи когти вонзились в мягкую землю.

Как только Цунэоки открыл глаза зверя, которого он призывал почти десять лет, шатающиеся фигуры вокруг него начали двигаться в его сторону. Он услышал крики своих людей за стеной, услышал, как они зовут Рэна, который, как всегда, проигнорировал приказ. Его звериный взгляд, теперь не обремененный тьмой, охватил шатающиеся формы вокруг него, пока те приближались к нему. Белая луна высветила то, что Цунэоки искал раньше. Фигура всадника замер-

ла посреди извилистого грунтового переулка справа от него, наблюдая за разворачивающейся сценой, как если бы она была частью представления.

Черты лица всадника были скрыты рогатым шлемом, но Цунэоки безошибочно узнал самурая. Когда воин остановил коня, на его груди стал различим герб клана Хаттори – две стрелы, направленные в противоположные стороны.

Между ног лошади одинокого самурая проскользнула призрачная лиса с желтыми глазами, очень похожими на глаза Цунэоки. Звериными и пугающими. Потусторонними. Это было существо магии. Существо, которое продало часть себя, чтобы заполучить эту способность, как и Цунэоки. Так же, как и Оками, когда темной ночью много лет назад месть подпитывала их выбор, как сухие ветки поддерживали огонь.

Лиса подбежала ближе, ухмылка на ее озорной морде стала шире. Без предупреждения ее мысли вторглись в разум Цунэоки, преодолев расстояние с явным намерением, ее голос был хриплым и четким.

«Беги, ночной зверь. Пока еще можешь».

«Нет». Цунэоки оскалил клыки в безмолвном зубастом ответе.

«Беги или оставайся, чтобы посмотреть, как я превращаю твоих людей в тех, кто следует моему приказу. Как я украду у тебя все твои мысли, твои надежды, твои мечты. Пока ты не превратишься в пустую оболочку, двигающуюся по моей прихоти».

Цунэоки встал шире, вонзая тяжелые лапы в землю, прочно прибывая себя к земле. Готовясь к бою. Лиса перестала приближаться к нему. Сверкающий белый дым – противостественный туман – начал клубиться вокруг ее лап.

«Не будь дураком», – сказала она.

Цунэоки запрокинул голову и издал скорбный вой. Вой, который должен был отогнать его людей обратно в лес. Вой, требующий, чтобы они немедленно бежали. Требующий от Рэна хоть раз прислушаться и подчиниться приказу.

Ухмылка лисы стала шире, когда она наклонила голову.

«Мы оба – существа, одержимые ветром и небом. Уважай меня, и я буду уважать тебя. Брось мне вызов, и я приведу тебя и твоих людей к полной гибели».

Сидящий в тени на коне самурай продолжал наблюдать. Продолжал ждать. Цунэоки устремился в атаку, его когти превратились в темный туман. Лиса ответила тем же, клочья мерцающей белой дымки кружились ленивыми вихрями.

Два клубящихся облака дыма – одно светлое, другое темное – столкнулись посреди извилистого грязного переулка. За их фигурами извивались клубы магического тумана, их тела врезались друг в друга с силой, которая раскалывала ночной воздух. Лиса была меньше, но быстрее. Ее первый удар пришелся чуть ниже морды Цунэоки, явно целясь ему в шею, – удар с целью скорее убить, чем оглушить. В ответ Цунэоки издал поддельный вопль и отступил назад, подманивая ухмыляющуюся лису поближе. Затем он ударил суще-

ство сбоку передней лапой, попадая чуть ниже одной из ее передних лап. Лиса взвизгнула, а затем устремила на него свои желтые глаза. В их центре будто вспыхнуло пламя. Зловещая ухмылка изогнула края ее черной морды. Она крутанулась на месте, дым вокруг нее теперь был темным, а не светлым.

Прежде чем Цунэоки успел придумать план, что-то вонзилось в его бок. Вспышка жара прорывалась сквозь ребра, впиваясь в сердце, ее когти были острыми, а укусы безжалостными. Жгучий жар вцепился в его разум, скручивая и распутывая все, что он скрывал. Он вонзил свои клыки, пытаясь заставить его подчиниться, но Цунэоки сопротивлялся. Он оттолкнул демоническую магию подальше от края, и это усилие заставило его зрение помутиться.

Рыча, лиса в знак возмездия ударила снова, похищая у Цунэоки его самые ценные воспоминания, его самые заветные желания.

То, что началось как медвежий болезненный рев, сменилось человеческим криком.

Цунэоки с глухим стуком упал на сырую землю, больше не являясь существом магии. Рана на его животе – полоса кровоточащего огня – уходила в землю. Огненное прикосновение лисы прожгло его череп.

«Глупый, глупый мальчишка». Лиса цокнула языком, кружа вокруг него. Она остановилась, осматривая свою рану. Неторопливо слизнула кровь с нее.

«Ее зовут Юми? – она безмятежно улыбалась. – Когда я найду ее, твоя сестра заплатит за эту рану».

Заклеймен на всю жизнь

Император и его старший брат шли по недрам императорского дворца – по местам, где среди копошащихся существ и вонючих помоев бродили только низшие из слуг. Глубоко в тени под жалкой пародией на окно находились две одиночные камеры, запертые железными дверями, и деревянные стропила обозначали их потолок. В каждой камере была решетка для испражнений и пол, устланный гниющей соломой. И ничего больше.

Это было маленькое тесное пространство, но Золотому замку никогда и не была нужна тюрьма больше этой. Те, у кого хватало дерзости оскорбить императора или любого из его верных феодалов, сталкивались с одним из двух наказаний: смертью или изгнанием, причем смерть могла быть исполнена множеством красочных способов: удушение от протаскивания за горло по улицам, подвешивание вниз головой и утопление, разрывание на части растягиванием на крепостных валах, смерть в яме с ядовитыми змеями или – если преступнику улыбнется удача – простое обезглавливание.

Что до тех, кому досталось изгнание?

Они были заклеены на всю жизнь.

Року и Райдэн направились к камере в дальнем углу. Четыре императорских гвардейца шли с двух сторон от них, а на буксире плелся человек со шрамами, одетый в темный халат. Он нес в руках железный сундук, запачканный запекшейся кровью.

Расслабленно прислонившись к каменной стене, внутри сидел человек. Спутанные темные волосы скрывали черты его лица. Его черный косодэ был покрыт сажей, кровью и грязью. Лунный луч, перемещающийся над его головой, резко высвечивал лабиринт стропил, отбрасывая угловатые тени на полу у его ног.

– Такэда Ранмару, – мягко начал Року. – Для меня большая честь наконец встретиться с тобой.

Оками не двигался. Не ответил даже взглядом на приветствие.

– На колени, ты, дрянь, – рывкнул Райдэн, его пальцы дернулись на *самэгаве*⁷ из белой змеиной кожи его катаны. – Поклонись своему императору.

Оками остался сидеть неподвижно на грязной соломе, вытянув вперед ноги, только на его губах мелькнула легкая улыбка, как будто его не волновала угроза Райдэна.

Року медленно ухмыльнулся.

⁷ Самэгаве – досл. «акуля кожа». Важная составляющая катаны, обвязка цуки – рукояти меча. Обеспечивает дополнительное сцепление руки с рукоятью.

– Довольно жалкое проявление неповиновения.

И снова никаких признаков ответа.

В этот раз Райдэн кивнул, молча приказывая одному из императорских гвардейцев открыть камеру.

Император поднял руку, чтобы остановить их. Он склонил голову набок.

– Кажется, добрые слова тебя не трогают, – вслух размышлял Року. – А мой брат уже сделал выбор в пользу устрашения. Всего за несколько мгновений я опустился до простейших оскорблений. Что же остается?

Оками поднял глаза на фигуру в капюшоне, неподвижно стоящую в стороне. Изучил темный сундук, зажатый в костлявых руках человека, и голодную ухмылку его потрескавшихся губ.

– Угрозы. – Его ответ был произнесен холодно, неторопливо. Несмотря на то, что он казался расслабленным, его тело оставалось высеченным из камня, как уснувшая гора.

– Это правда, – согласился Року. – А угрозы сработают?

– Боль, – продолжил Оками, не сводя глаз с сундука.

Улыбка Року была жестокой, как будто этот вариант принес ему наслаждение.

– А она сработает? Если бы я пригрозил тебе болью, ты бы стал сотрудничать?

Оками проигнорировал его. Райдэн снова кивнул в сторону императорской гвардии, и замок на двери камеры со зловещим щелчком открылся.

Року вздохнул.

– Меня беспокоит, что мы не можем прийти к единому мнению даже по такому простейшему вопросу, господин Ранмару.

Ухмылка озарила одну сторону лица Оками, подчеркивая косой шрам на губах.

– Мое мнение – это гора. Ваше – поле. Должна ли гора преклонить колени перед полем? – Он оскалил белые зубы в мрачной ухмылке, а затем кивнул на солому под ногами. – Или поле хочет доползти до меня?

– Ты предательская свинья. – Войдя в камеру, Райдэн решительно выхватил свой клинок из саи. – Ты будешь обращаться к своему небесному повелителю с уважением. – Его слова были острыми, как свистящая коса, его оружие замахнулось с убийственным намерением.

На этих словах Оками поднял глаза. Лунный свет, просачивающийся сквозь решетчатое окно наверху, изгибался, будто тянулся к нему. Но он оставался вне его досягаемости, шрам на губах засеребрился.

– Так быстро, – пробормотал он.

Райдэн моргнул.

– Что?

– Я узнал о твоей слабости так быстро, принц Райдэн.

Прищурившись, Райдэн отдернул клинок, ударяя по каменной стене на волосок от головы Оками, и дождь из золотых искр обрушился на них.

– Брат... – тихо позвал Року. – Терпение.

– Ты жаждешь уважения даже в мире, созданном, чтобы беспрекословно предлагать его тебе, – продолжил Оками. Его черный взгляд даже не дрогнул. – Но может быть, просто это уважение кто-то отобрал у тебя в детстве. Или, возможно, ты предсказуемо презираешь свою судьбу? – Он понизил голос, добавляя: – Первенец, которому ничего не предназначено.

Как только Райдэн поднял свой меч во второй раз, Року махнул рукой, призывая их обоих замолчать.

– А в чем твоя слабость, господин Ранмару? – спросил император своего пленника.

Как и ожидалось, Оками не ответил.

– Что ж, хорошо, – вздохнул Року, само олицетворение терпения. – Ты ответишь на мои вопросы, если я назову тебя вместо этого Оками? Я слышал, что ты предпочитаешь это имя. Я готов пожаловать тебе этот дар.

Оками вздернул подбородок. Прислонил голову к стене. Его распущенные волосы упали с его покрытого синяками лица, когда он встретился взглядом с императором.

– Ты хочешь знать мою слабость? Забавно, что ты так открыто просишь об этом. Возможно, ты не такой, как я думал. – Он развел ладони в стороны, будто ему нечего скрывать. – Или, возможно, ты хочешь, чтобы именно так я и думал.

Року снова улыбнулся, и в уголках его глаз собрались мор-

щинки, портя его обычно гладкое лицо.

– Возможно, в одном ты ошибаешься, а в другом прав. Только путем честного разговора мы сможем узнать.

Оками сухо рассмеялся.

– Ты можешь спросить обо всем, о чем хочешь, но я не обязан тебе отвечать. – Слегка подавшись вперед, он поставил ногу и оперся на колено локтем, его цепи зазвенели.

– Справедливость, – начал Року.

Глаза Оками почти незаметно сузились.

Року продолжал:

– Мужество и сострадание.

Хотя он и не опустил катану, Райдэн вопросительно покоился на своего младшего брата.

– Почтение, искренность, честь. – Року сделал паузу. – Верность.

Оками пошевелился, грязная солома под ним зашуршала о цепи.

Замешательство, исходившее от людей со всех сторон, казалось, наполняло молодого императора силой, словно ему нравилось играть роль загадки. Он выпрямился, его взгляд заострился.

– Ты сын знаменитого самурая. Какой принцип бусидо является твоей слабостью? – Року сделал пять шагов к одной стене камеры, прежде чем остановиться и направиться в другую, будто он вышел на послеобеденную прогулку. – Какой из твоих многочисленных изъянов внушает тебе страх глу-

бокой ночью?

Оками не ответил.

– Ох, тысяча извинений. – Року сцепил руки за спиной, но в его голосе не слышалось ни капли сожаления. – Оками. Волк Хонсё. Пес леса Дзюкай, – мягко, но язвительно сказал император, – с грязной конурой и стаей сук за спиной.

Тени на лице Оками обострились, когда его губы поджались, – первый признак того, что слова императора хоть как-то повлияли на него.

– Что ж, хорошо, – продолжил Року, – *Оками*... Я обменяю свою слабость на твою. Я скажу тебе, чего я больше всего боюсь, а ты в обмен сделаешь то же самое.

После минутного молчания последовало веселое фырканье:

– Я так не думаю.

– Отказываешься торговаться со своим врагом? – Року подарил ему еще одну улыбку, не показывая зубов.

– Нет. Я отказываюсь торговаться с тобой.

Император остановился и обернулся, встречаясь взглядом со своим пленником.

– Я слышал, как многие говорили, что твой отец был таким же своенравным человеком. Это стоило ему жизни, но ничего не принесло. Мой отец часто отмечал, что господин Сингэн был величайшим из всех дураков. Тем, кто считал принципы ценнее, чем действия.

– Оскорбление моего отца не выбьет из меня ответа, рав-

но как и обмен улыбками, будто мы старые друзья. Я ожидал от тебя большего, Минамото Року. – Оками вернул ему ту же тонкую улыбку, ирония изгибала кончики его губ. – Почему бы тебе просто не убить меня? Твой отец поступил бы так. Так поступают все люди вроде тебя, когда сталкиваются с трудностями. – Он скрестил руки на груди. – Убей меня, и покончим с этим. – В его тоне звучала насмешка. – Тогда ты сможешь беспрепятственно править империей Ва, как настоящий повелитель. Разве это не твоя мечта, Року-тян? Навечно стать ребенком, за которым никто не будет следить?

Яростный рев сорвался с губ Райдэна, услышавшего оскорбление его младшего брата. Своего *императора*. Райдэн сжал свои покрытые броней пальцы в кулак и с размаху ударил Оками, отчего тот упал на посеревшую солому.

Пока его старший брат пинал пленника ногой в грудь, Року терпеливо ждал, и на его лице отразилось странное недоумение.

С лицом, перекошенным от ненависти, Райдэн продолжал обрушивать на Оками дождь ударов, пока Року наконец не поднял руку, приказывая своему брату остановиться. Оками сплюнул кровь на солому и тяжело выдохнул, прежде чем снова сесть. Он кашлянул, прочищая горло. Некоторое время он смотрел на императора, признаки задержавшейся насмешки не соотносились с его разбитым, окровавленным лицом.

– Похоже, оскорбления действуют и на твоего брата. Как

предсказуемо.

– Оскорбления действительно являются простейшей формой устрашения, – ответил Року, похоже, не волнуясь о пренебрежении, которое продемонстрировал этими словами к своему брату. – Я согласен, что они меньше всего эффективны в подобных ситуациях. Но не часто я встречаю врага с похожим умом. – Он жестом подозвал человека в тени, держащего сундук, сделать шаг вперед. – И поскольку мы пришли к согласию по этим вопросам, больше нет нужды тратить время на такие низменные средства устрашения.

Оками не сопротивлялся.

– Я не боюсь боли.

Улыбка, которая расплылась по лицу императора, началась с нервирующей мягкости. Та разрослась во что-то злое, наполнив воздух странным приторным запахом.

– Но я говорю не о твоей боли, Оками.

Мгновение ответом ему была лишь тишина. Затем Оками наклонился вперед, и его голос понизился до шепота:

– Ты ничего не выиграешь, причиняя боль любому из тех, кому не посчастливилось называть меня своим другом.

– Об этом уже буду судить я. – Року снова зашагал по камере. – Любой человек, которому не посчастливилось называть тебя другом, также имеет несчастье обладать жизненно важной информацией.

– Какой информацией? – резко хохотнул Оками. – Хочешь узнать, на каком камне я сплю в лесу? Или, возможно,

тебе важно узнать, как я предпочитаю пить чай?

– Или, может быть, я хочу знать, нравилась ли тебе твоя еда, – прервал его Року. – Я слышал, что у вас был превосходный повар – настоящая находка семьи твоего отца, не так ли? Жаль, что мне не довелось с ним встретиться. Я как раз нахожусь в поисках верных слуг. Но, увы, я также слышал, что этот конкретный слуга уже никому не будет полезен, – намеренная пауза, – больше никогда.

На этот раз тишина, воцарившаяся вокруг них, была другой. Она стала тяжелее, низкий гул собирался в воздухе.

– Если бы он был здесь, это все равно не имело бы значения, – сказал Оками, тон его голоса балансировал на грани сдерживания. – Ёси никогда ничего бы тебе не сказал.

Року поднял палец, подчеркивая свое мнение:

– Возможно, это правда. Мое упущение. Нет необходимости воскрешать мертвых поваров. В нашем распоряжении – в этот самый момент – есть кое-кто, кто может ответить на все эти и другие вопросы. Кто-то гораздо более... податливый.

– Ах, конечно. – Оками опустил голову, позволяя волосам упасть на лицо и скрыть его выражение. – Никчемная дочь Хаттори Кано. Наверное, это будет забавно.

Року посмотрел на брата.

– Брат, – начал он, – твоя невеста жила среди всех этих мужчин, не так ли?

С мрачным выражением лица Райдэн спрятал клинок в ножны.

– Моя невеста? Я не собираюсь брать эту грязную воробыху в ж...

– Чепуха. – Император развернулся на месте, подол его блестящего шелкового халата волочился по грязи. – Мы не можем взять назад свое слово. Мы также не можем игнорировать последнюю волю нашего почившего отца-императора.

Райдэн с отвращением выдохнул:

– Даже если товар испорчен и не подлежит починке?

Хотя Оками весело хмыкнул, услышав это, цепи возле его кулаков мягко звякнули.

– Хаттори Марико поклялась в верности тебе и нашей семье, так? – продолжил Року.

Райдэн кивнул, выражение его лица все еще было нечитаемым.

– Тогда, – сказал Року, взглянув на своего пленника, – ваш союз следует скрепить как можно скорее.

– Мой повелитель, – ответил Райдэн, – возможно, мы могли бы...

– Я не собираюсь ни с кем спорить на эту тему, брат. Ни с кем, – раздув ноздри, обратился к нему Року. Его пронзительный голос почти взвизгнул от натуги. – Есть только один способ узнать наверняка, сохранила ли госпожа Марико свою невинность в лесу Дзюкай. – В его глазах мелькнул блеск, когда он заметил, как сверкнули обсидиановые глаза Оками. – Возьми ее в жены. И если она действительно за-

пятнана – если она солгала нам, – ее наказанием будет медленная смерть предательницы. – Он замолк, дожидаясь, пока его слова повиснут в воздухе. А затем император уставился в каменное лицо своего пленника. – А Пес леса Дзюкай будет этому свидетелем.

Пепел верности

Побег.

И убийство императора.

Об этих идеях Оками давно не размышлял. Получая все новые удары от принца Райдэна, он про себя удивлялся иронии всего происходящего.

Тому, как он попал сюда. По своей воле. Тому, что принял эти оскорбления. По своей воле.

В любую ночь на пути в Инако Оками мог сбежать. Он по-прежнему мог сбежать и сейчас, если бы его цепи были хоть на руку длиннее.

На протяжении многих лет такая вещь, как побег, никогда его не беспокоила, потому что он всегда верил, что никогда и никому не сдастся. Сделка, которую он заключил с демоном тьмы, гарантировала, что никто не сможет взять его в плен, пока ночное небо касается его кожи. Его способность двигаться, оседлав ветер, – быстрее, чем вспышка молнии, – позволяла ему исчезать, как тень на солнце, даже в самых безвыходных ситуациях.

Став в детстве свидетелем жуткой смерти отца, Оками поклялся небесам, что он умрет прежде, чем позволит кому-либо получить власть над ним. Власть убить человека без последствий. Власть разлучить мужчину со всеми, кого он любил, и лишит мальчика всего, что он когда-либо знал, одним махом.

Эта детская клятва стала причиной, по которой Оками заключил сделку с демоном на десятом году своей жизни. Он принял демонический клинок из странного черного камня и произнес свою клятву. Считая, что это достойная плата за свое благополучие и будущее.

И несмотря на это, он рискнул и тем и другим не единожды, а дважды за последние дни. И все ради любви. Ради любви Оками был вполне готов потерять все.

Что же насчет убийства императора? Было время – вскоре после гибели его отца и потери состояния семьи, – когда Оками подумывал убить Минамото Масару и стать причиной падения императорской семьи. Даже сейчас – с нежной горечью – он вспоминал, как тосковал по тому дню, когда будет достаточно силен, чтобы уничтожить всех, кто осадил его мир.

Но это все была лишь детская глупость – сама эта мысль о мести. Размышления рассерженного мальчишки, лишённого цели. В конце концов, какую цель преследовало возмездие? Таковую, что уничтожала своего носителя, ввергая в бесконечный порочный круг ненависти.

Вскоре после смерти отца – когда Оками столкнулся с холодом, смертью, голодом, отголосками насмешек, – он забыл эти мысли и вместо этого выбрал удобство защиты только самого себя. По крайней мере, в этом случае он не стал бы причиной гибели кого-либо связанного с ним, умершего во имя мести.

И все же вот он сейчас рассматривает вероятность побега. Мечтает проткнуть сердце этого глупого императора раскаленным клинком. Наблюдать, как его кровь утекает сквозь решетку, предназначенную для испражнений. Смеяться про себя, пока жизнь вытекает из тела Року.

Знает, что все это безнадежные усилия.

Каждый раз, когда кулак Райдэна врезался в кожу Оками, он чувствовал, как напрягалось его тело, хотя разум знал лучше: никто не спасет от неизбежного приступа боли. Вскоре каждый удар слился со следующим, пока в его груди, конечностях и животе не разлился ровный гул боли. Пока в голове не зазвенело, как будто внутри был гонг.

Затем избиение прекратилось так же внезапно, как и началось.

Казалось странным, что они еще не допросили его. Он думал, что они, по крайней мере, захотят узнать, несет ли Черный клан ответственность за смерть императора. Что сделали его люди и почему. Кто входил в состав Черного клана. Какие у них могли быть планы относительно будущего империи.

Тем не менее они не спросили у него ничего важного, кроме того, чего он на самом деле боится.

И это... подарило ему передышку.

Оками перекатился на спину и позволил звукам их голов стихнуть, как будто он погрузился под воду. Стараясь изо всех сил игнорировать оскорбления в каждом слове, независимо от того, кто их произносил. Райдэн носил свою ненависть как броню, и часть Оками предпочитала именно такой ее вид. Старший брат обладал неприкрытой, бесхитростной ненавистью, легко заметной и понятной. Легко проходящей. Это была ненависть, с которой Оками столкнулся в молодости, когда на его стороне были только верный самурай его отца Ёси и его лучший друг Цунэоки.

Року не выставлял свою ненависть напоказ. Он маскировал ее довольными улыбками и пугающим спокойствием, как будто пытался задобрить или склонить своих жертв к подчинению. Это была опасная ненависть, потому что трудно было понять, насколько глубоки ее корни. Чем больше Року говорил, тем глубже его яд просачивался сквозь кожу Оками, заставляя того сжимать зубы.

Ненависть Райдэна было легко игнорировать. Но ненависть Року была извилистой тропинкой, манившей Оками вперед, в колючий подлесок.

Лицо Оками пульсировало. Каждый вздох напрягал мышцы груди. Один глаз нельзя было открыть, настолько он опух. Тем не менее он смотрел на луч лунного света. Тот един-

ственный мазок сияющего белого цвета, падающий каскадом из узкого окна наверху. Его тело инстинктивно потянулось к нему. Искало в нем утешения. Силы. Свет ночного неба мог стать его спасителем, так же как и он долгое время был его демоном.

Его босая нога вытянулась, словно в трансе. Облако пронеслось над луной, окутав его спасительницу еще большей тьмой.

Так близко. Но так далеко.

Слишком далеко, чтобы помочь.

Ненавистные слова, окружающие Оками, продолжали проникать в его грудь, обволакивая его сердце. Он никому бы не позволил увидеть свое отчаяние. Несмотря на то что его лицо пульсировало, а грудь болела, он никогда не позволил бы ни единой слезинке скатиться по его лицу. Он бы не доставил никому – тем более этим глупым мальчишкам, играющим во взрослых мужчин, – такое удовольствие.

В последний раз слезы текли по лицу Оками в день, когда умер его отец, восемь лет назад. С тех пор он ни разу не плакал, даже наедине с собой.

Оками подавил желание закричать. Разозлиться на умирающий свет и нанести ответный удар по боли, пронизывающей его тело. Это не была боль от многократных избиений. Это была боль от страха. От холодного, темного страха, который Оками так долго игнорировал. От возможности, что как бы он ни старался избежать подобного, все же были люди,

которые смогли заполучить контроль над ним, по-своему.

Не эти юные дураки, стоящие перед ним со своим сверкающим оружием и сияющими шелками. Не эти глупцы, для которых власть была всем. Нет. Они бы никогда не получили его.

А те, кого любил Оками. Люди, чей смех проник в его душу. Они были теми, кто вдохновил его на верность, независимо от причины и цены. Про которую всегда говорил Ёси, когда Оками спрашивал, почему старый самурай потратил годы своей жизни на служение молодому ронину, готовя яйца для избалованного маленького мальчика.

«Любить кого-то – значит терять контроль, – сказал Ёси с нежной улыбкой. – И я обещал всегда любить тебя, как любил Сингэна-сама, моего верного брата по оружию».

Ёси. Верный самурай и доверенное лицо его отца, который был на их стороне после исчезновения жены Такэды Сингэна во время шторма в море. Человек, который приютил Оками, когда тот был потерянным одиноким мальчиком. Человек, который укрыл его в безопасности, даже когда Оками пожелал, чтобы он ушел.

И Цунэоки. Его самый дорогой друг. Мальчик, терзаемый чувством вины за предательство отца. Которое привело к смерти Такэды Сингэна от его собственной руки. Когда они были моложе, Оками хотел, чтобы и Цунэоки ушел. Сын Асано Наганори был постоянным напоминанием о том, что Оками потерял. Но Цунэоки ни разу не поколебался в своей

верности. Даже когда Оками согласился предоставить опасному демону точку опоры в мире смертных, чтобы получить его силу, его самый давний друг вскоре без колебаний последовал его примеру. Он взял клинок из черного камня и принес свою кровавую клятву ночному зверю. И последовал за Оками, когда тот выбрал существование без корней, живя нигде и везде.

«Я пойду за тобой туда, куда ты поведешь, – сказал Цунэоки. – Я не боюсь неизвестного. Если ты можешь это сделать, то и я смогу».

И Марико.

Хаттори Марико была виновнее всех. Она дала Оками причину желать вещей, о которых он и не мечтал. Поставить все на карту всего лишь ради мгновения под одеялом тумана, дабы понаблюдать, как вода скользит по ее коже. Он проклинал ее за это снова и снова. В ту первую долгую ночь в заточении он не спал, обратив свой взор к звездам, зная, что сможет сбежать, если попытается, и что может случиться с Марико и его людьми, если он попытается это сделать.

Тогда он снова проклял ее. Несмотря на то что каждый его сон был о ней. Несмотря на то что доносящийся запах апельсиновых цветов вызывал у него улыбку.

Оками знал, что этот коварный молодой император хотел использовать против него его предполагаемые слабости. Он даже ждал от Року чего-то подобного. Чтобы тот запятнал ядом все, что любил Оками, а затем использовал его страх в

попытке получить над ним контроль.

Он был готов к этому.

Тем не менее это не притупило ни резкости слов сопливого императора, ни колких замечаний его брата – сторожевого пса, когда все это произошло на самом деле.

Свет по-прежнему был слишком далеко.

А цепи Оками были слишком короткими. Слишком тяжелыми.

И эта девчонка. Эта нелепая девчонка, которая задумчиво поджимала губы и носила свой ум как знак чести. Которая, несмотря на весь мир, сговорившийся против нее, была гораздо более изобретательной, чем любой из мужчин, которых когда-либо знал Оками.

Он не стал бы подвергать Мариико риску.

Даже ради всего ночного неба в мире. Даже ради каждой звезды.

– Не требуется много усилий, чтобы покорить сердце простой девушки. – Яд Року проник в разум Оками в тот же миг, когда он вынырнул, чтобы вдохнуть воздуха. – Женщины – непостоянные существа, готовые улыбаться любому слушающему уху. Единственная женщина, которой мужчина может доверять, – это женщина, которая его родила, и даже в этом случае я бы всегда советовал проявлять осторожность. – Его брови на мгновение нахмурились, а затем разгладились с появлением еще одной улыбки.

Эта улыбка выдавала Року. В ней Оками заметил проблеск

раздражения. Вполне вероятно, что за исключением его матери все остальные женщины относились к Року с пренебрежением большую часть его короткой жизни. Оками мог представить, как юные девушки императорского двора смотрели на наследного принца. Низкий и менее грозный, чем его красивый старший брат. Второй во всех отношениях, кроме того, что он не заработал сам – своего происхождения.

Такой была извращенная правда Року.

– Возможно, госпожа Марико питает к тебе теплые чувства, – продолжил Року. – Только после того, как ты сдался, она сделала шаг вперед. Или, возможно, это не ты выгнал ее из безопасной тени. Может быть, ее сердце тронул сын Асано Наганори? Мой отец говорил, что Наганори умел обращаться с женщинами.

Смешно. Как ни посмотри. И все же было больно слышать подобное от этого мальчишки.

Оками начал смеяться. Он начал тихо, позволяя своему смеху перерасти в низкий рокот. Когда он взглянул на императора, его смех замер на распухших губах, новое осознание осветило его правду яркими красками. Это поразило его. Отрезвило.

Потому что это было все равно что смотреться в зеркало.

– Это лучшее, на что ты способен, Минамото Року? – Оками внезапно поднялся, его пульс бешено стучал в его венах. – Должно быть, ты ужасно боишься. Твоя слабость – мужество, не так ли? – Он сделал еще один шаг вперед, на-

сколько позволяли его оковы. – Это то, чего ты боишься? Быть преданным, как был предан твой отец до тебя? – Голос Оками эхом отражался от железных прутьев. – Ты боишься, что можешь умереть так же, как он? – Он сделал паузу, позволяя своим словам превратиться в шепот. – Или, возможно, ты боишься, что я могу вырваться из этих цепей и закончить то, что начал мой отец. – Подчеркивая свои слова, он дернул за металлические звенья, сковывающие его запястья и ступни, и звук разнесся в полутьме.

Как и ожидалось, грубый сторожевой пес рядом с императором снова замахнулся катаной, его лицо исказилось от гнева.

– Вот оно, – тихо сказал Року. – Стоило впустить тебя в мой разум, и это дало мне шанс заглянуть в твой.

Оками поднял подбородок, его глаза расширились, пока он проклинал далекий свет.

– Верность, – произнес Року.

Кровь медленно отливала от лица Оками, собираясь в области сердца, пульс гулко стучал в ушах. Он промолчал.

Кажется, Року увидел ту же правду, что и Оками. Ибо страх был величайшим уравниателем, если не считать самой смерти.

Император заговорил снова:

– Как это тебе подходит. Я должен был понять это с самого начала. Твой отец умер от недостатка верности. Разумеется, теперь это должно было стать твоей ношей. – Удовлетворе-

ние отразилось на его лисьем лице.

Оками проклял себя так же, как и своих мучителей.

– Теперь, когда мы наконец в равных условиях, начнем? – Року махнул рукой, подзывая фигуру из тени.

Споткнувшись у входа в камеру, странный худощавый мужчина направился к Оками, крепко сжимая перед собой деревянный сундук. Когда Райдэн и четверо императорских гвардейцев двинулись, чтобы прижать Оками к стене, тот инстинктивно засопровтивлялся. То была реакция мальчика, который поклялся никогда не казаться слабым – никогда не показывать свой страх, – чего бы это ни стоило. Того, кто пообещал небесам, что никогда, подобно отцу, не проиграет презренному человеку.

Оками толкнул Райдэна плечом в грудь, а затем врезался лбом в лицо принца. Райдэн застонал от боли, отшатнувшись, а затем схватил Оками за горло, закаленная кожа его перчатки впиалась в кожу юноши. Яростно оскалившись, принц дважды ударил Оками лицом о каменную стену. Императорский гвардеец нанес своевременный удар в центр его груди. Другой – в живот. Задышавшись, Оками согнулся пополам и сплюнул кровь на грязную солому, в ушах у него зазвенело, а перед глазами поплыло. Кровь потекла к кончику его носа из раны на лбу.

– Достаточно! – пронзительный голос Року эхом разнесся от стропил. На мгновение Оками подумал, что император может поддаться ярости, кипящей на поверхности. За-

тем Року выдохнул, протяжно и громко. – Брат, ты и твой проклятый гнев разрушили мои планы по наказанию нашего пленника.

Райдэн, все еще сжимая пальцами горло Оками, бросил взгляд через плечо на своего младшего брата, вопросительно поднимая брови.

– Его лоб разбит и кровоточит, – снова вдохнул Року, его глаза на мгновение закрылись, позволяя ему успокоиться. – Его лицо в кашу.

За следующий вдох Оками понял, что имел в виду император. Понял, что лежит в окованном железом сундуке человека-скелета.

Оскорбление. Вместо ран.

Стиснув зубы, он собрал свою ярость. Заглушил свои страхи.

Оками понадобятся все его силы, чтобы справиться с тем, что грядет.

– Я... прошу прощения, мой повелитель. – Нерешительность Райдэна позволила Оками на миг заглянуть в разум принца, за стену всей этой ярости и злобы. Что-то в действиях императора беспокоило старшего брата. Но нежелание Райдэна мелькнуло лишь раз, а затем исчезло, спрятавшись за новой решимостью. Он ослабил хватку на шее Оками в тот самый момент, когда императорская гвардия сжала свою. – Что ты хочешь, чтобы я сделал? – Отступив назад, Райдэн поклонился – снова верный сторожевой пес импера-

тора.

– Сейчас мы должны обратиться за пределы традиций. За пределы ожидаемого. – Року приблизился, его ноздри раздувались, пока он изучал лицо Оками. – Я хочу, чтобы он видел, чувствовал, был свидетелем своей правды до конца своей жизни, какой бы короткой она ни была. – Искра вдохновения озарила его взгляд. – Поместите клеймо сбоку на его шее.

Оками закрыл глаза, когда из-под него выдернули цепи, сковывающие его щиколотки. Гнев пробежал под его кожей, когда он ударился о каменный пол, желчь наполнила горло. За ними последовало горькое веселье. Холодная ирония. Как всегда. Ему оставалось только выбрать, какое чувство надеть сегодня вечером. Глаза Оками открылись, уловив своевольный лунный свет вне досягаемости, и он остановился на самом мрачном юморе. Он был ребенком, лишенным семьи, и юмор для Оками часто был единственным, что удерживало его в здравом уме.

Клеймо предназначалось для лба. Так клеймили воров и мелких преступников. Черные символы рассказывали об их преступлениях, лишая возможности стереть пятно их глупости. Это было даже уместно. В конце концов, Оками и *был* вором. И если это станет первой пробой пыток нового императора, то это определенно не так ужасно, как предполагал Оками.

Человек в шрамах открыл свой ящик. В нем было

несколько маленьких игольчатых лезвий. Он поднял две склянки к лунному свету. В первой плескались черные чернила, как и ожидалось. А во второй? Зловещая ухмылка завладела лицом мужчины, растягивая брызги шрамов от ожогов, покрывающих его кожу. Во второй склянке было густое серебристое вещество, которое засветилось, когда он встряхнул его. Он окунул одно из игольчатых лезвий в светящуюся жидкость, и край лезвия зашипел, как рыба чешуя над огнем, искажая пространство вокруг себя.

Кислота. Клеймо будет сплавлено с кожей Оками кислотой.

Извращенно и ненужно. Лишь для того, чтобы вызвать боль и не более того.

Надавив своей грязной сандалией на лоб Оками, Райдэн заставил его уткнуться лицом в солому.

Оками вдохнул. Он уже сопротивлялся. Императору доставляло удовольствие смотреть, как он борется. Наблюдать, как его избивают, чтобы заставить подчиниться. Затаив дыхание, Оками взглянул вверх и увидел безмятежное лицо императора. Он не собирался снова дарить Року такую радость.

В следующий раз, когда Оками будет бороться перед этим пронырливым повелителем, это закончится реками императорской крови.

– Чего ты больше всего желаешь в этот момент, Такэда Ранмару? – спросил Року беззаботным голосом.

Оками желал многого, но отказывался давать императору еще какую-либо власть над собой. Он промолчал, его глаза сверкали, как кинжалы.

– Ты жаждешь мести, не так ли, феникс? – тихо спросил Райдэн, надавив на лицо Оками еще сильнее. – Восстать из пепла?

Року улыбнулся, его слова были чуть громче шепота:

– Но сначала ты должен сгореть.

Ловушки из шелковых нитей

Марико низко опустила голову, глядя в пол. Она шла вслед за Сидзуко, ее таби с раздвоенными пальцами шуршали по лакированным деревянным полам коридоров замка Хэйан.

Странно было снова надеть женскую одежду. Хотя Марико прожила в образе мальчишки в лесу Дзюкай всего несколько недель, даже за это короткое время ее инстинкты изменились. Скользя в носках по этим прославленным коридорам, Марико мечтала поднять голову и беззастенчиво оглядеться вокруг. Запомнить каждую деталь, потому что она не знала, когда может пригодиться даже самая незначительная из них.

Вместо этого она заставила себя вернуться к шагам танца, который исполняла большую часть своей жизни.

Голову вниз. Глаза опущены. Голос снизить до шепота, который не мог уловить даже ветер.

Когда они с Сидзуко снова повернули за угол, две молодые служанки заняли свои места по бокам от нее. Марико огля-

нулась через плечо, и крошечные кусочки серебра и нефрита, свисающие с ее прически, весело зазвенели перед ее лбом. Она воспользовалась этим движением, чтобы незаметно поднять взгляд, осматривая затянутые шелком стены и элегантные экраны раздвижных дверей, – некоторые были открыты, чтобы впустить свежий воздух, а некоторые закрыты на задвижки без какого-либо определенного порядка, – а также изящные бумажные фонарики с изображенными на них журавлями, рычащими тиграми и змеевидными рыбами.

Когда ее глаза вернулись к полу, Марико снова сосредоточилась на почти ритмичном движении своих ног. Они скользили в заученной манере, одна пятка на единой линии с другой. Ее кимоно колыхалось волнами по обеим сторонам ее носков с раздвоенными пальцами. Взгляд Марико скользнул по блестящему подолу из бледного шелка тацумура.

Длинные рукава ее *фурисодэ*⁸ были покрыты сложным узором из крошечных цветов – камелий, фиалок, апельсиновых цветов и сакуры, каждый из которых был вручную пришит к ткани. Все цветы соединялись нарисованными лозами, оттененными жидким золотом. Крошечные птички порхали от цветка к цветку по всему пространству мокрого шелка. Это кимоно было броней Марико при дворе, самой богато украшенной броней, которую она когда-либо носила за всю свою жизнь. Его принесли из личного хранилища одежды

⁸ Фурисодэ – традиционный японский наряд незамужних девушек и невест, кимоно с длинными рукавами.

императорской семьи, чтобы почтить ее статус. Когда сегодня днем в ее комнате кимоно было развешено, от внимания Мариико не ускользнули восхищенные взгляды и приглушенные вздохи.

Ее вели к кому-то важному. Это все, что знала Мариико.

Возможно, это был ее жених. Или, может быть, даже сам император.

Она сделала глубокий вздох. Удивительно, как сильно могла измениться ее судьба всего за несколько коротких дней. Две ночи назад Мариико прибыла в Инако в грязном ко-содэ воина, вернувшегося с поля боя. Нынче она была одета как императрица, и ее вели по Золотому замку на аудиенцию к члену императорского двора.

Если бы у Мариико было хоть какое-то желание найти что-то забавное в ее ситуации, то это, без сомнения, было бы простой задачей. Что-то, от чего Рэн усмехнется, Ранмару – нет, а Цунэоки задразнит ее потом. Но желание смеяться, родившееся в лесу Дзюкай, меньше чем за неделю превратилось в пепел на ее языке.

Вместо этого Мариико сосредоточилась, пытаясь подготовиться к тому, что ее ждет.

«Меня будут допрашивать? Во мне будут сомневаться? Заставят отвечать за чужие преступления?»

В конце концов, она не могла быть уверена, что это не ловушка. Если она что-то и узнала об императорском дворе, то только то, что это было место тайн и обмана.

А подобное создавало возможность вообще для чего угодно.

Когда небольшая процессия Мариико свернула в другой коридор, потолки над ними стали все выше, а резные экраны по обеим сторонам – еще богаче украшенными. Полы под ее шелковыми таби громко скрипели, как будто были слишком старыми и нуждались в ремонте. Мариико слышала об этих полах. Издаваемые ими звуки напоминали крик *угуйсу*⁹, поэтому их называли соловьиными полами. Деревянные настилы были сконструированы таким образом, чтобы никто – ни друг, ни враг – не мог пройти по ним неслышанным. Тот факт, что Мариико шла по ним, означал, что она входит в часть замка Хэйан, которая, несомненно, находилась под усиленной охраной.

Колени Мариико под слоями ее кимоно и многочисленных нижних одежд затряслись. Шагая, она принялась сгибать пальцы ног, чтобы заставить свои ноги вернуть себе силу. Этот танец будет трудным, и, чтобы хорошо его исполнить, Мариико должна контролировать все свои эмоции. Несмотря на усилия родителей и многочисленных наставников, она никогда не была девушкой, которая могла спокойно войти в комнату и чувствовать себя при этом непринужденно. Мариико всегда предпочитала компанию собственного разума бессмысленной болтовне представителей знати.

⁹ Угуйсу – камышовка, называемая также японским соловьем, одна из трех «знаменитых певчих птиц» Японии, живет в бамбуковых чащах.

Ее мысли обратились к Юми. Майко была одним из немногих исключений из этого правила. Младшая сестра Асано Цунэоки обладала потрясающим интеллектом и талантом разгадывать, чего хотят мужчины, помимо очевидного. Хотя Марико провела в ее компании всего несколько коротких дней, она пришла к выводу, что Юми знает, чего хотят мужчины, еще до того, как те сами это поймут.

«Я бы отдала каждый золотой рё в своем приданом за возможность научиться искусству взвешенной беседы у Асано Юми».

Марико была так поглощена своими мыслями, что чуть не споткнулась, когда ей открылся вид за поворотом. В ее горле застряло множество вопросов, и самые громкие грозили вылететь в любое мгновение:

«Что они сделали с Оками? Он... мертв?»

Но она была не настолько глупа, чтобы думать, будто получит какой-то ответ. Тем более не от него. Не от этого юноши, который смотрел на нее с таким недоверием.

У поворота в боковой коридор застыла безмолвная фигура, ожидая, когда они пройдут мимо. Его лицо было серьезным, а поза напряженной. Его хакама из темного шелка были выглажены до хруста, без единой лишней складки. Это был молодой человек, для которого такие вещи были столь же естественными и непринужденными, как цапли в полете. Только его глаза противоречили его манере поведения — их глубину омрачала тень, которую Марико не могла опре-

делить.

Кэнсин.

Ее брат. Ее близнец.

Кровь поползла вверх по ее шее, обжигая кожу. Мариико перестала сжимать кулаки и остановила свой взгляд на брате, изображая то, что, как она надеялась, было выражением привязанности.

«Будь водой. Двигайся по течению».

Он наблюдал за ней. Внимательно изучал. Даже с такого небольшого расстояния Мариико, достаточно хорошо знающая своего брата-близнеца, могла увидеть, что он не верит ни единому ее слову. Это осознание пронзило что-то глубоко в груди девушки. Угрожая разорвать связь, существовавшую между ними с момента рождения. В ту ночь, когда они покинули лес Дзюкай, он изучал ее тем же взглядом, словно смотрел на загадку, которую не мог разгадать. Хотя Дракон Кая сказал очень мало, было очевидно, что Кэнсин сомневался в каждом движении Мариико как тогда, так и сейчас. Раздумывал, не лежит ли в его основе двуличие. Каждый раз, когда она встречала взгляд своего брата, Мариико видела недоверие и неуверенность.

Два чувства, которых никогда раньше не было между ними.

Она задавалась вопросом, что он увидел, когда посмотрел на нее. Мариико была готова поспорить, что это было что-то другое, но в то же время то же самое. Что-то, окрашенное

болью.

– Марико, – мягко заговорил Кэнсин.

Ее свита остановилась перед ним. Сидзуко и служанки по бокам низко поклонились. В конце концов, Хаттори Кэнсин был Драконом Кая – одним из самых прославленных воинов во всей империи. Сыном уважаемого даймё. Самураем, пользующимся большим уважением среди членов императорского двора.

Марико заставила себя улыбнуться. Заставила свои глаза отразить эту улыбку.

– Ты... хорошо отдохнула за эти две ночи? – спросил Кэнсин.

– Прекрасно, – кивнула она. – Это первый спокойный сон за последние недели.

«Еще одна ложь».

Она уже потеряла счет тому, сколько раз лгала ему.

– Рад это слышать. Ты выглядишь... лучше. Больше похожей на себя. – Дракон Кая тщательно подбирал слова, будто собирал плоды с дерева. Это было так похоже на него – вести себя подобным образом. С требовательностью к каждой мелочи.

Но сегодня принципы Кэнсина не могли помочь ему. Его невысказанные вопросы повисли в воздухе, как паутина, выжидая, чтобы застать свою жертву врасплох. А Марико знала, что лучше любой ценой избегать любых ловушек из шелковых нитей. Ее голос должен соответствовать ее лицу. Она

расслабила плечи. Вытянула шею, словно была уверена в себе.

«Я разговариваю со своим братом, точно так же, как почти каждый день своей жизни. Ничего более».

Она улыбнулась ему, позволив своим мыслям вернуться к воспоминаниям о более приятном времени. О более легкой жизни. Той, в которой правда о богатстве и привилегиях ее семьи все еще постыдно оставалась за пределами ее внимания.

– У меня не было возможности как следует отблагодарить тебя за то, что ты спас меня.

В какой-то степени это не было ложью. Он привез ее в Инако, как того и хотела Марико, и за это она испытывала благодарность.

Кэнсин кивнул, уголки его глаз сузились.

– Ты бы сделала то же самое для меня.

– Разумеется. – Марико глубоко вздохнула. – Но теперь, когда у меня выдалось мгновение, чтобы прийти в себя, я хотела бы обсудить с тобой кое-что.

Он снова кивнул.

– Я... рад это слышать. Мне тоже есть кое-что, что я бы хотел тебе рассказать. – Кэнсин вздрогнул, словно ему было больно. Какая-то часть Марико хотела выпросить у него подробности, но казалось странным ожидать от него откровенности, если она не готова была предоставить того же в ответ. – Как только ты полностью поправишься, давай пого-

ворим, — закончил он.

— Это все, чего я хочу, — сказала она. — После всего, что произошло, будет утешением поговорить с кем-то, кого я люблю и уважаю, а не слушать праздных людей, которые наживаются на усилиях тех, кто ниже их по положению. — Говоря это, Мариико продолжала улыбаться, в грустной попытке рассеять неловкость. — Я ценю твое терпение, Кэнсин.

Ее брат кивнул, затем еще раз взглянул на шелковый воротник ее кимоно. Когда он увидел длинные рукава с изысканной вышивкой, его глаза расширились. Даже воин, мало разбирающийся в женской одежде, знал, что подобное кимоно уникально.

— Ты идешь на встречу с принцем Райдэном?

Ее улыбка дрогнула.

— Мне... еще не сообщили, куда я направляюсь.

Мариико смотрела, как на виду у окружающих их служанок ее брат сдерживается от реакции. Служанок, которые наверняка оставались поблизости, чтобы тут же доложить обо всем, что кажется подозрительным. И опять же, эта попытка отрицать свои инстинкты, пусть и неудачная, была совершенно не в характере Хаттори Кэнсина. Подобному поведению он, несомненно, научился за время своего короткого пребывания в столице.

Кэнсин сделал шаг вперед, кладя руку на рукоять вакидзаси. Мариико не могла понять, хотел ли он защитить ее или предостеречь. Его губы колебались между звуком и речью.

Затем Кэнсин отступил назад, решительно кивнув самому себе.

– Стань честью нашей семьи, Мариико. – Его слова были эхом последнего наставления их отца в то судьбоносное утро, когда она отправилась в путь в Инако.

Они только укрепили ее решимость.

Она заработает к себе доверие и получит свое место при императорском дворе. Будет создавать союзы везде, где только возможно. Будет срывать планы императора на каждом шагу.

И сделает все возможное, чтобы освободить Оками – юношу, которого она любила.

Неважно, как глупо это звучит, – словно мечты несмышленного ребенка с амбициями, выходящими за пределы его возможностей.

Все в жизни начиналось с идеи.

Сидзуко поклонилась перед Мариико и Кэнсином, положив конец странному молчанию, повисшему между ними. Ее внезапное почтение шло вразрез с ее поведением эти последние два дня.

– Прошу прощения, что прерываю, мой господин, но мы должны продолжить путь к павильону императрицы.

Кэнсин уставился на служанку, будто только что заметил ее присутствие.

– Императрицы?

– Да, мой господин. – Сидзуко повернулась к Мариико и

поджала губы. — Мне было приказано привести госпожу Хаттори в Лotosовый павильон. Императрица желала ее видеть.

Золотые лепестки и кровоточащие раны

Когда они подошли к раздвижным дверям, украшенным резными цветами лотоса, Сидзуко замедлила шаг и Мариико вслед за ней. Стражники, стоящие по обеим сторонам, расступились, пропуская их. Мариико прошла через дверной проем и низко поклонилась, ее пятки уперлись прямо в высокий деревянный порог. Ее лоб коснулся свежесотканых татами, их свежий аромат ударил ей в нос – чистый, сосновый и манящий.

Когда она и Сидзуко снова поднялись на ноги в дальнем конце огромного приемного зала, кое-что привлекло внимание Мариико, и ее поразила новая мысль. Одна из тех, которые она умудрялась игнорировать эти последние два дня, поглощенная своими заботами. Сидзуко показала себя как невероятно способная и умелая служанка, хотя и несколько колючая. Как раз этим утром Мариико задавалась вопросом, почему эта пожилая женщина, стоящая выше многих других служанок, была переведена помогать невесте незаконнорож-

денного принца, а не заняла более почитаемое место в личной свите императорской семьи. Только когда Мариико увидела, как Сидзуко пытается подняться на ноги, она поняла причину. Grimаса и потеря равновесия на мгновение выдали ее.

У Сидзуко была травма шеи – возможно, даже позвоночника, – что придавало ее движениям недопустимый изъясн, который она, вероятно, не могла контролировать. Слуга при императорском дворе не должен был ни на что отвлекаться. Он должен был двигаться, как порхающая тень, а теням не следовало демонстрировать свои недостатки перед императором.

Гнев сжал горло Мариико, из-за чего ей стало трудно сглотнуть. Она корила себя за то, что раньше не заметила состояния Сидзуко. Задалась вопросом, что могло послужить его причиной. Как могла Мариико пытаться защищать тех, кому повезло меньше, как посмела заявлять, что позаботится о ком-то, кроме себя самой, если погрязла в собственных заботах? Если она собиралась видеть дальше своего носа, то эта ошибка показывала, что у нее это получилось ужасно.

В этот момент на нее снизошло озарение. То самое, которое в последнее время с удивительной частотой подкрадывалось к Мариико. Впервые оно снизошло на нее, когда она стала свидетельницей ужина бедной семьи в поле ее отца, в ту ночь, когда Черный клан совершил набег на амбар Хаттори. Той ночью она наблюдала, как маленькая девочка наде-

вает на себя образ души гораздо старше себя. Там, спрятавшись в темноте, рядом с Оками, Мариико поняла, что у каждого человека, которого она когда-либо встречала, от самого маленького ребенка до самого отъявленного из воров, была жизнь столь же сложная и важная, что и у императора, самурая или элегантной придворной дамы. Ни разу за свои семнадцать лет она не слышала, чтобы кто-либо из знати поднимал эту тему. Те, кто служил им, были рождены под несчастливими звездами и никогда не смогут разделить с ними одно небо, как бы сильно того ни желали.

«Люди не могут изменить звезды, под которыми родились, как коты не могут изменить полосы на своей шерсти», – часто говорил ее отец с хитрой улыбкой.

Воспоминание застряло у нее в груди, его горечь царапнула язык.

Она посмотрела направо, на одну из молодых служанок, – ту самую девушку с круглым лицом и носом-пуговкой, что и вчера, – расправляющую юбки Мариико. Пока девушка работала над тем, чтобы ее госпожа выглядела как можно идеальнее, Мариико изучала ее лицо, обратив внимание на небольшие шрамы вдоль челюсти, вероятно, от детской болезни.

– Как тебя зовут? – прошептала Мариико девушке, едва шевеля губами. Они были слишком далеко, чтобы те, кто находился в противоположном конце зала, могли услышать их разговор. Но Сидзуко рядом с ней все равно вздрогнула и фыркнула в раздражении.

Юная служанка залилась краской.

– Иса.

– Спасибо, Иса. – Марико отложила это имя в памяти. Затем подняла глаза, осматривая длинный приемный зал с низким потолком из полированного дерева акации. Стены были обшиты тонким шелком с изящными позолоченными картинами – сценами из весенних садов, изобилующими цветами и арочными мостами, в обрамлении янтарного сияния послеполуденного солнца. Свежие татами, выложенные идеальной сеткой, лежали на полу, который обогревался снизу медленно горящими угольными жаровнями.

Молодые женщины сидели на коленях по обеим сторонам зала, их одежды были разложены веером на полу. Вероятно, они были придворными дамами или дочерьми самых важных семей империи. При виде Марико женщины принялись перешептываться, их красивые кимоно зашуршали, пока они вытягивались, пытаясь разглядеть ее получше. Если бы Марико прищурилась, то комната перед ней напомнила бы настоящий изысканный сад, а женщины в кимоно – цветы, покачивающиеся на легком ветерке: брызги розовых, пурпурных и бледно-зеленых лепестков, окрашенных в цвет нефрита, расположенные так, словно каждый цвет был подобран так, чтобы воплотить в жизнь картины, золотящиеся на стенах.

В противоположном конце зала на шелковой подушке на низком троне с деревянной спинкой, отлакированной

так, что тиковое дерево, казалось, блестело изнутри, сидела изящная женщина.

Марико не смотрела в глаза ожидавшей ее статной фигуре. Скользнув к подножию небольшого возвышения, она с величайшей осторожностью встала на колени, засунув переднюю часть кимоно под колени, чтобы тонкий материал не морщился на бедрах. Шелест шелка по татами был похож на шепот обнаженного меча.

Она снова поклонилась, удерживая свой взгляд на полу, пока к ней не обратились.

– Хаттори Марико, – императрица говорила высоким тоном, почти девичьим в своей мелодичности. – Добро пожаловать в Лотосовый павильон.

Вдохнув через нос, Марико подняла глаза.

Ее Императорское Величество Ямото Гэнмэй, императрица Ва, плавным движением поднялась на ноги, и теплая улыбка расплылась по ее лицу. Она казалась маленькой и изящной, утопающей в кимоно персикового цвета. Но между тем ее облик был властным, особенно для женщины, только что потерявшей мужа. Марико сначала думала, что застанет императрицу в трауре, но это оказалось не так. Она казалась решительной и расслабленной. Возможно, потому, что на одном дыхании императрица потеряла мужа, но также приобрела сына на троне.

Оказалось, что страх и грусть здесь не подойдут.

Марико скрыла удивление от неприкрытой доброты на ли-

це императрицы. В конце концов, Марико была обручена с сыном любимой супруги почившего императора, а слухи о неприязни императрицы по отношению к той женщине были известны всей стране.

— Для меня большая честь познакомиться с вами, моя госпожа. — Марико придала своему голосу нежную мелодичность певчей птицы точно так же, как в ее воспоминаниях это делала Юми в присутствии тех, на кого майко хотела произвести впечатление.

— И для меня большая честь познакомиться с будущей женой принца Райдэна. — Императрица указала рукой на пустое место рядом с собой. — Присоединишься ко мне за угощением?

Марико отвели на низкое возвышение, а шелковую подушку положили слева от императрицы. С помощью Сидзуко Марико опустилась на нее на колени, а слуги вынесли два небольших столика. На каждом были разложены различные закуски: круглые разноцветные дайфуку, окруженные съедобными цветами, которые выглядели очень заманчиво, миска замороженной хурмы, украшенная золотыми хлопьями, засахаренные бобы адзуки и крошечные квадратики паровых булочек пастельного оттенка. Сбоку в фарфоровой формочке лежало безупречно белое яйцо, все еще скрытое в скорлупе.

Это зрелище почти вызвало улыбку на лице Марико.

«Интересно, что бы сделала императрица, если бы я сня-

ла скорлупу, как научил меня Ёси».

В тишине такие же столики были вынесены всем присутствующим дамам. Все это время Марико держала ресницы опущенными, позволяя своему взгляду незаметно скользить по комнате, изо всех сил стараясь казаться скромной и ослабленной одновременно.

«Невозможная задача».

Мягкий смех затанцевал по комнате.

– Ты словно маленький олененок, – сказала императрица с еще одной теплой улыбкой.

В Марико поднялась неуверенность. Она никогда не была одарена искусством беседы. Был ли комментарий императрицы комплиментом или критикой? Или, что еще хуже, это была критика, замаскированная под комплимент? Как лучше ей ответить? Заламывать руки – не слишком адекватный ответ, равно как и откровенная грубость.

Вот почему Марико всегда тонула среди других женщин, особенно девушек ее возраста.

– Если это угодно моей госпоже, я счастлива быть олененком. – Марико склонила голову.

Императрица рассмеялась.

– А если мне это не угодно?

Марико заколебалась. Она посмотрела налево, словно искала помощи. Многие из присутствующих женщин смотрели на нее с откровенным интересом, не отрывая взгляда, даже когда делали изящные глотки чая. И ничего не предлагая в

качестве помощи. Некоторые из них даже хихикали в ладо-
ни.

Марико сделала успокаивающий вдох.

– Если это не угодно императрице, я счастлива не быть олененком.

Еще одна рябь веселья сорвалась с губ императрицы.

– Как тебе удалось так долго прожить среди группы дика-
рей с такими безупречными манерами? Похоже, ты относи-
тельно невредима после своего злключения, – она сделала
паузу, чтобы сделать глоток чая, – или внешность обманчи-
ва, как все говорят?

Марико зажмурила глаза, собираясь с духом. Затем она
встретилась взглядом с императрицей, желая, чтобы ее лицо
выглядело серьезным. Достойным доверия.

– Они не тронули меня, – твердо сказала она. – Их главарь
запретил это. Я полагаю, он собирался обменять меня на что-
то более ценное у моего отца, потому я должна была быть
целой и невредимой.

– Тебе так повезло. – Императрица качнула головой, от
чего драгоценные украшения в ее волосах засверкали, будто
в предупреждении. – Как и принцу Райдэну.

Оказалось, что слухи, распространявшиеся среди знати,
были правдивы. Императрица не питала нежных чувств к сы-
ну наложницы своего мужа. Марико осознавала, что в этом
случае правильнее всего будет молчать и постараться по-
меньше высказывать свое мнение. Не годится ей дурно от-

зывать о своем женихе, пытаюсь заслужить расположение императрицы. Будь мать Марики здесь, она бы призвала дочь вести себя так же, как и все другие юные дамы при дворе, – кивать, улыбаться и бормотать себе под нос в знак согласия.

Марики попыталась улыбнуться. Императрица не ответила на этот жест. Любой намек на доброту в ее лице исчез.

«Чего она хочет? Что пытается сделать?»

Императрица, будто услышав мысли Марики, ответила:

– Я уверена, что тебе любопытно, почему я попросила о встрече с тобой еще до того, как тебя вызвали к моему сыну. Конечно, императору очень хочется встретиться с тобой. Он очень привязан к своему брату. – Ее украшения снова вспыхнули, как зеркала с острыми краями.

Марики поднесла к губам маленькую фарфоровую пиалу и сделала вид, что делает глоток чая. Ободок пиалы был окрашен жидким золотом, а чай был прекрасно заварен. Один только запах говорил об этом. Сердце Марики стучало в груди с такой силой, что ее рука дрожала, а чай в пиале плескался от края к краю.

«Чего она хочет от меня?»

– Принц Райдэн хорошо к тебе относился? – спросила императрица, таким тоном, будто узнавала о погоде.

Вздвогнув от вопроса, Марики толкнула пиалу к губам, и бледная жидкость обожгла ей язык. Она медленно отставила пиалу, ее разум как сито просеивал все возможные ответы, которые она могла произнести. И все возможные дальней-

шие вопросы. Все безграничные варианты во всех направлениях.

«Прекрати это, сейчас же. Не позволяй себе выглядеть душой. Если только это не самый выгодный путь».

– Принцу Райдэну пришлось со многим столкнуться за последние несколько дней после стычки с разбойниками в лесу Дзюкай, – тихо сказала Марико. – Но да, он был очень добр во время нашего путешествия сюда.

Императрица засмеялась так, как ни разу до этого. Когда звук ее веселья заполнил зал, женщины со всех сторон по очереди захихикали, но ни одна из них не смеялась громче императрицы.

– Принц Райдэн? Добр? – императрица снова рассмеялась. – О, он, должно быть, был очарован твоей внешностью, даже несмотря на то, что ты несколько недель провела в грязи.

Ее сарказм трудно было не заметить. Погребенная под ним – вместе с неприкрытой искрой жестокости – Марико ощутила что-то гораздо более темное. Было очевидно, что императрица не любит принца Райдэна. Но просто попытка продемонстрировать ему свою неприязнь, издеваясь над его будущей женой, казалась... бесхитростной. Слишком предсказуемой.

«Возможно, она пытается узнать, счастлива ли я выйти замуж за принца Райдэна. И в свою очередь, узнать, могу ли я быть ей полезна, какими бы ни были ее цели».

Марико быстро сообразила.

Хотя всего минуту назад она отказалась от этой мысли, Марико решила, что лучше всего будет притвориться глухой, когда дело касается этого конкретного вопроса. Глупых девушек легко унижать, а женщины, как императрица, любили это почти так же, как многие мужчины, которых знала Марико. Она сглотнула и задержала дыхание, прикусив щеку изнутри почти до крови. Она позволила напряжению стать очевидным, надеясь, что они примут ее дискомфорт за смущение.

Оно казалось правдивым даже ей. Ибо было время, и не так давно, когда Марико не чувствовала ничего, кроме чистого ужаса, при мысли об унижении в комнате, полной шепчущего шелка.

И это время еще не прошло. Оно просто изменило форму. То, что когда-то было стыдом, превратилось в гнев и расчетливость.

А там, где был гнев, нет места стыду.

Марико склонила голову, ее глаза остановились на куске вылезшей из татами соломы рядом с ее левым коленом.

– Я благодарна принцу Райдэну, – говорила она полу. – Если он нашел во мне что-то приятное несмотря на мой грязный вид, то мне повезло. Он спас меня от судьбы, которую я не пожелала бы и злейшему врагу. Если он хоть мельком взглянет в мою сторону, я буду счастлива.

– Счастлива? – императрица сделала паузу. Выражение ее

лица стало мрачным. — То есть ты *счастлива* удаче, подаренной тебе твоей жизнью?

Марико моргнула:

— Я...

— Ты не знаешь, что значит быть счастливой, — отрезала императрица. — Счастье — это не то, что можно найти здесь, при императорском дворе. Мы имеем лишь мгновения удовольствия. Собираем их и глубоко прячем в своих сердцах. И надеемся, что этого достаточно, чтобы заполнить любые дыры, оставленные нашей истиной.

Марико подняла взгляд, встречаясь глазами с императрицей. Тот же самый голос, в котором тщательно балансировали доброжелательность и презрение, изменялся все сильнее, пока она говорила. Стал высоким и почти задрожал. На мгновение Марико подумала, что императрица, возможно, вот-вот потеряет контроль над своими эмоциями и покажет всем присутствующим свою истинную сущность.

Но мгновение пронеслось мимо, и черты лица императрицы снова разгладились. Она махнула рукой, и из тени выбежал слуга, кладя еще одну шелковую подушку в центр зала, между рядами внимательных придворных дам. Марико задумалась, не прикажут ли ей сейчас туда пересесть. Чтобы женщины вокруг могли вскрыть ее многочисленные недостатки. Это было похоже на детский кошмар. Тот, в котором Марико была раздета догола и каждый ее изъян выставлен на всеобщее обозрение.

По комнате начали шептаться. Несколько молодых женщин наклонились вперед, словно были голодными пантерами, ожидающими своей очереди наброситься.

В задней части комнаты резко распахнулись раздвижные двери, и звуки переполоха разнеслись по воздуху. Зажатая между двумя императорскими гвардейцами, молодая женщина в простом белом кимоно тщетно пыталась освободиться. Ее руки были связаны за спиной, а лицо залито слезами.

Шепотки стали громче, когда стражники потащили девушку вперед. С всхлипом протеста она была вынуждена упасть на колени на шелковую подушку. Ее распущенные волосы запутались вокруг одной из перчаток гвардейца. Когда он рванул, чтобы освободиться, длинные темные пряди клубком упали вокруг шеи девушки.

В горле Марико сжалась жалость. Будь эта девушка прилично одета и без гримасы отчаяния на лице, Марико готова была поклясться, что она выглядела бы весьма впечатляюще, с такой-то прекрасной кожей и большими глазами.

Замешательство охватило Марико, отчего узел в ее животе еще сильнее затянулся.

«Что они собираются с ней сделать?»

– Хирата Сукэ, – начала императрица.

Голова молодой женщины упала вперед в сдавленном сто-
не.

– Д-да, моя госпожа. – Она всхлипнула, когда прижалась лбом к татами в жалком поклоне.

– Тебя обвиняют в том, что ты резвилась в саду с человеком ниже твоего положения.

Еще один всхлип.

– Это правда? – спросила императрица любезным тоном, как будто спрашивала о семье девушки.

– Я... я только улыбнулась ему, и мы...

– Прежде чем ты начнешь опровергать обвинения, знай: три дамы, присутствующие сейчас здесь, видели тебя с мальчишкой и готовы доложить об этом императору.

Сукэ на мгновение огляделась – на ее лице отразилась паника, – желая, чтобы кто-нибудь встал на ее защиту. Несколько других девушек примерно ее возраста отвели взгляды или пригубили чай, словно будущее Сукэ не решалось прямо у них на глазах. Поняв, что осталась совершенно одна, Сукэ снова всхлипнула.

– Ты должна сочетаться браком с сыном господина Торанага, не так ли? – продолжала императрица.

Сукэ не ответила.

Губы императрицы скривились.

– Немедленно отвечай мне, или мы оставим тебя мужчинам, чтобы они наказали тебя по своему усмотрению.

– Да, моя госпожа. – Сукэ поклонилась. – Я выйду замуж за старшего сына господина Торанага в конце лета.

Императрица в шелесте шелка вскочила на ноги, выражение ее лица было суровым.

– Значит, ты собираешься выйти замуж за одного муж-

чину, но бесстыдно резвишься с другим всего за несколько недель до вашего союза?

Взгляд Сукэ снова пробежался по комнате, но на этот раз она не искала союзника. Ее нижняя губа дрожала от предательства, когда она изо всех сил пыталась найти тех, кто стал источником ее несчастья.

– Да, моя госпожа.

Одна девушка, с бледным лицом в форме сердца, кашлянула, прочищая горло, и снова отвела взгляд.

– Позорная дрянь, – сказала императрица Сукэ. – Я должна рассказать императору о том, что ты сделала, хоть это и разрушит весь род Хирата. Ты запятнала репутацию императорского двора своим распутством. – Пока она говорила, морщины на лбу императрицы углубились. Она смотрела на Сукэ, и момент тянулся и тянулся. Пока не стал тоньше волоска, который вот-вот порвется. Затем, пугающим образом лицо императрицы вдруг разгладилось. – Но я умею прощать, ведь так? – Ее голос вновь стал нежным и лиричным. Почти приятным.

– Да, умеете, моя госпожа. – Сукэ прижала лоб к полу в еще одном смиренном поклоне.

Голос императрицы понизился.

– Я могу рассказать моему сыну, императору, о том, что ты сделала, и твое будущее – и будущее всей твоей семьи – будет разрушено.

Даже с такого расстояния Марико видела, что глаза Сукэ

мерцают от непролитых слез.

– Да, моя госпожа.

– Но разве так не лучше? – спросила императрица. – Чтобы ты признала вину и спокойно приняла наказание в кругу своих?

Сукэ зажмурилась. Слезы побежали по ее щекам, и она судорожно вздохнула.

– Да, моя госпожа.

Удовлетворение отразилось на лице императрицы. Она оглядела комнату.

– Как только правосудие Лotosового павильона свершится, мы больше не будем упоминать об этом деле. Абсолютное милосердие – наша справедливая награда. – Ее предостережение эхом разнеслось по всему залу – предупреждение всем присутствующим дамам.

Предвкушение охватило все пространство. Угрожающе запульсировало со всех четырех углов.

Императрица ждала, изогнув одну бровь.

Сукэ подняла подбородок и расправила плечи.

– Я признаю, что повела себя развратно с солдатом на окраине императорских садов. Я не заслуживаю милости моей госпожи, но молю о ее прощении и клянусь именем моей семьи, что никогда больше не буду так распутна.

– И мы даруем тебе эту милость. – Императрица почти сияла, глядя на дрожащую молодую женщину. – Можете начинать, – добавила она почти рассеянно.

В груди Марико снова возникло замешательство. Плечи Сукэ согнулись вперед, и Марико не могла понять, было ли это от облегчения или поражения.

Прошло целое мгновение полной тишины, прежде чем первое яйцо пролетело через всю комнату и разбилось о голову Сукэ. Хотя девушка явно знала, чего ожидать, она все равно вскрикнула от удивления и взметнула обе руки, пытаясь защитить себя, но затем уронила их обратно на колени. Еще одно яйцо полетело к ней с противоположной стороны, ярко-оранжевый желток потек вниз по белому кимоно Сукэ. Женщины принялись пересмеиваться.

Внезапно со всех сторон в Сукэ полетели яйца, портя ее прекрасную кожу и шелковые одежды. Меткий удар сильно ударил ее по щеке, и тонкая струйка крови скатилась по одной стороне ее лица, как скрюченная слеза.

Вскоре все яйца были брошены.

Кроме одного.

Императрица нарочно посмотрела на Марико, а затем перевела взгляд на яйцо, которое девушка думала, что смогла спрятать в своей ладони.

Волна негодования пробежала по ее телу.

«Почему от меня требуют участия в этом жестоком развлечении? Это не для меня».

Она не знала эту девушку. И Марико не могла сделать нечто настолько унижительное по отношению к другому человеку. Особенно к молодой женщине, которую она подо-

зревала в невинности. Прошел еще один напряженный момент, прежде чем Марико поняла, зачем ее сегодня пригласили к императрице. Эта демонстрация должна была стать ее посвящением в круг императрицы. Во внутренние залы императорского двора.

Это жалкое проявление власти над невинной молодой женщиной.

Но у Марико не было времени обдумывать причины, по которым ее привели сюда. Она пришла к простому решению.

Она могла действовать только по велению сердца. Или разума.

Ее сердце – компас, управляемый эмоциями, – указывало ей на ошибочность этого поступка. На то, что потом будет пожирать ее заживо, если она совершит подобное и причинит боль другой девушке.

Ее разум подсказывал ей, что произойдет, если она провалит самое первое испытание императрицы. Она потеряет возможность закрепиться при императорском дворе, и задачи, которые она хотела выполнить, станут недостижимыми. Марико бросила еще один взгляд на Сукэ. Безмолвные слезы девушки катились по щекам, а ошметки яиц текли по ее волосам и одежде.

«Я... не могу этого сделать с ней».

Но брови императрицы нахмурились. Ее губы сжались. Ее взгляд был похож на тысячу кинжалов, каждый из которых был нацелен на Марико.

Дело было не в наказании. Хотя это и должно было выглядеть как попытка удержать нравы молодых женщин при дворе в узде, в реальности это казалось совсем другим. Принуждение девушки к подчинению – даже с помощью чего-то столь безобидного, как яйцо, – было довольно странной демонстрацией власти.

Несмотря на предостережения ее разума, все в сердце Марико восстало против него.

Против этой странной демонстрации власти.

Императрица продолжала смотреть на Марико. В ответ девушка взвесила яйцо на руке. Позволила ему перекатиться в ладони. Подумывая бросить его в императрицу в знак неповиновения.

Но сейчас было не до мечтаний.

– Ты полагаешь, что я несправедлива? – холодно спросила императрица.

Марико взглянула в лицо вдовствующей императрицы. Когда Ямото Гэнмэй была моложе, она, должно быть, была красивой женщиной. Но время, боль и мелочность превратили черты ее лица во что-то неприглядное, вывернутое наизнанку. Для императрицы каждая молодая женщина, которую она встречала, была подобна служанке Исе – кем-то ниже ее, предназначенной для того, чтобы она могла растоптать ее, когда сочтет нужным.

«Вероятно, все началось именно так. С простого выбора».

Вдохнув через нос, чтобы унять отвращение, Мариико с силой швырнула яйцо в жалкую девушку, с которой капало столько еды, что хватило бы, чтобы несколько недель кормить семью, а вместо этого она пропадала на свежесплетенных татами. Яйцо со шлепком упало ей на колено – жалкий финал тошнотворного представления.

В животе Мариико вспыхнуло чувство вины, когда Сукэ подняла на нее глаза, но в них отразилась смесь смущения и благодарности. Мариико сглотнула.

«Она... благодарна?»

– Когда-то я была такой же глупенькой дурочкой, как и ты, – сказала Мариико императрица, склонив голову набок. – Я считала себя принципиальной и думала, что мои принципы проведут меня по жизни, особенно в самые трудные времена, когда моя жизнь сложилась совсем не так, как я мечтала. – Императрица ухмыльнулась, скрывая внезапную вспышку боли. – Принципы хороши, когда ты молода и жизнь у твоих ног, госпожа Мариико. Возможно, ты считаешь меня жестокой, но таким образом я спасаю эту девочку от еще больших страданий. И заставляю всех этих молодых женщин осознать суровую правду: только мужчинам позволено потакать своим желаниям. – Она фыркнула. – Женщины, потакающие своим желаниям, рискуют жизнью.

Мариико опустила взгляд, снова уставившись на выбившийся пучок соломы возле своего колена. Еще в провинции своего отца она встречала таких людей, как императрица.

Женщин и мужчин, получавших извращенное удовольствие от ненужного отмищения другим. Даже Рэн грешил подобным поведением. Но императрица была странным образцом подобного. Она явно считала себя лучше других потому, что прибегла к жестокости, дабы предотвратить что-то похуже.

Она избавляла девушек от публичного осуждения, но поощряла его за закрытыми дверями.

Возможно, императрица была совсем не похожа на тех, с кем встречалась Марико дома.

Она была хуже.

– Время учит нас всех тому, что нам нужно быть лучше мужчин. Но лишь на одну нить. – Императрица поднялась. – Держись за эту нить. Тебе она понадобится. – Она жестом подозвала одного из молодых слуг из тени сбоку. – Сейчас ты встретишься с моим сыном. – Императрица улыбнулась, глядя на кимоно Марико. Затем покачала головой в чем-то похожем на сожаление. – Какая жалость. Много лет назад это было мое любимое кимоно.

Мрачный блеск

Руки Мариико тряслись. Когда слуги открыли двери, она вцепилась в рукава своего кимоно, не заботясь о том, что может помять тонкую ткань. Отведя глаза, она в последний раз поклонилась императрице, которая осталась сидеть на троне с безмятежной улыбкой на лице.

За раздвижными дверями стоял Кэнсин, словно мучения Мариико должны были быть бесконечными. Ее брат как будто казался еще более утомленным, чем прежде, если это вообще было возможно. Он осмотрел ее лицо. Заметил хмуро поджатые губы и морщину на лбу. Затем он прочистил горло, его взгляд пронзил ее, давая безмолвный совет.

В одно мгновение Мариико вновь взяла контроль над своим лицом.

Кэнсин жестом велел ей следовать за собой. Вместо поворота направо от зала, который бы вернул Мариико в комнаты, занимаемые ею с прибытия в Инако, они повернули налево. Пока они шли, Мариико считала, сколько шагов требуется, чтобы перейти от одного строения к другому.

Они вышли из Лotosового павильона и направились к богато украшенным раздвижным дверям, ведущим в центральный двор. Мужчины, стоявшие на страже снаружи, были одеты в простые хакама, каждый из двух мечей заткнут за шелковый пояс вокруг бедер. Самураи, обнажающие свое оружие только в самых ужасных обстоятельствах и никогда в присутствии императора, ибо смерть служила наказанием тому, кто осмелится размахивать клинком в присутствии монаршей особы.

«Сорок девять шагов».

Они дождались, пока им принесут сандалии: Кэнсину – простые самурайские гэта, а Марико – тускло поблескивающие сандалии из лакированного дерева. За стенами замка начало опускаться за горизонт солнце, его свет карамелизировал все, к чему прикасался.

Марико последовала за Кэнсином через центральный двор к другому крылу замка Хэйан, которое возвышалось над главным зданием с семью остроконечными крышами. Запах апельсиновых цветов смешивался с ароматом деревьев юдзу, и кисло-сладкий цитрусовый запах плыл мимо Марико, маня ее к лесу в дальней дали. Удивительно, но раньше лес никогда не завораживал ее, а теперь звал ее к себе всякий раз, когда в поле зрения появлялись его зубчатые тени.

Когда они шли по крытой дорожке – ее деревянные дзори хрустели по маленьким белым камешкам, – Кэнсин вдруг

замедлил шаг.

«Шестьдесят два шага».

– Не реагируй, – сказал он. – Ни на то, что я скажу, ни на то, что увидишь.

Хотя первым ее желанием было разразиться вопросами, Марико подавила его.

«Будь водой».

– Они будут смотреть, как ты себя ведешь, – продолжил он. – Если я что-то и узнал о семье Минамото за свое короткое пребывание в замке Хэйан, то лишь то, что они всегда проверяют тебя. Если ты покажешь, что беспокоишься о сыне Такэды Сингэна, это будет использовано против вас обоих.

При упоминании Оками и подтверждении того, что он все еще жив, Марико споткнулась, ритм ее шагов нарушился.

– Или я ошибаюсь? – тихо спросил Кэнсин.

Марико выпрямилась. Ей так хотелось сказать ему правду. Рассказать все, что таилось в сердце, все, что вертелось в голове. Свободно поделиться со своим братом каждой мыслью, каждым страхом, каждой мечтой, как она это делала, когда они были детьми. Но не могла. Не сейчас, пока она не знала, почему он больше не доверял ей. Почему ни разу не подумал спросить, прежде чем вынести суждение.

Почему он не пришел ей на помощь и отвел взгляд, когда она бессловесно молила его.

– Ты ошибаешься, – резко отозвалась Марико.

Кэнсин глянул на нее через плечо, его глаза сузились.

– Не думаю, что я не так понял эмоции на твоём лице, когда Такэда Ранмару раскрыл свою личность в лесу Дзюкай.

С губ Марико сорвался смех – попытка смягчить ситуацию легкомыслием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.